

о. Ежи Зелиньский OCD

МАРИЯ В ЖИЗНИ КАРМЕЛЯ

/издательство Кармелитов Босых, Краков 2001,
перевод с польского: Кармель-Караганда/

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава первая

МАРИЯ СО ВЗГОРЬЯ КАРМЕЛЬ

Кармель и его символика
Пещера византийских пустынников
Наставница молитвы и Её ученики
В отражении естественной красоты Кармеля
В направлении иерусалимской литургии
"Salve Regina" против мусульманских мечей

Глава вторая

МАРИЯ ВСЁ БОЛЕЕ СОВЕРШЕННОЙ ПРЕДАННОСТИ

Кармелитское представление Марии
Вассалы Госпожи Кармеля
Мать и Её сыновья
Братья и их Сестра
Воспеватели Девы Чистой Сердцем

Глава третья

МАРИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ЛЕГЕНД

Кармелитская легенда
В поисках самобытности
В защиту названия Ордена
К лучшему будущему
Образы, написанные в Её славу
Духовное завещание

Глава четвёртая

МАРИЯ КАРМЕЛИТСКИХ ЗНАМЕНИЙ

Жена на гербе
Коричневый скапулярий
Белый плащ
Взирающая с икон
Наследие антифона «Flos Carmeli» /«Цвет Кармеля»/

Глава пятая

МАРИЯ И МОНАШЕСКИЙ УСТАВ

Настоятельница Кармеля
В марианском ключе

Глава шестая

МАРИЯ АРНОЛЬДА БОСТИУСА

Наследие трёх веков марианской мысли
Материнский дар любви и избрания
Искренняя преданность сыновей и дочерей
“Ave Maria” – послание Пресвятой Троицы

Глава седьмая

МАРИЯ ВО ФЛАМАНДСКОЙ МИСТИКЕ

Мария в мистическом переживании

Мария св. Терезы

Михаил св. Августина

Характеристика мистического присутствия Марии в душе

Опыт мистического познания Марии – редкий дар

Мистическая связь с Марией и почитание Марии – не одно и то же

Мистику Марии инициирует Святой Дух

Благодать Своего мистического присутствия в душе испрашивает сама Мария

Марианская мистика вырастает из особенного отношения Марии к Богу

Сердце марианской мистики – единая любовь к Богу и Марии

Мария соединяет душу с Собой, чтобы, тем самым, совершеннее соединить её с Богом

Марианская мистика не препятствует соединению с Богом

Высшая степень мистического переживания присутствия Марии

Присутствие св. Иосифа в марианской мистике

Признаки мистического переживания присутствия Марии

Кармелитская школа и доктрина св. Людовика Марии Гриньона де Монфора

Глава восьмая

МАРИЯ ТЕРЕЗИАНСКОГО КАРМЕЛЯ

Терезианская реформа

Небесная Приорисса /Настоятельница/ св. Терезы Иисуса

Посвящение себя Марии в детстве

Мистическая встреча с тайной Марии

Настоятельство Марии

Госпожа скапулярия и Устава

Мать Реформы и духовного роста

Дева, соединённая с Богом – по св. Иоанну Креста

Пересекающиеся дорожки

В тайне Троицеугольника

Улыбающаяся Богородица св. Терезы Младенца Иисуса

Улыбка Девы

Под сенью Её плаща

Если бы я была священником...

Школа Марии

Мать-наставница св. Терезы де Лос Андес

Благодати Первого Святого Причастия

Дочь Марии

Словно священник, приносящий жертву всесожжения

Мать сокровенного присутствия св. Рафаила /Рафала/ Калиновского

В тени Острой Браны

Верный свидетель ежедневной борьбы

Школа святости

Зеркало Бога св. Терезы Бенедикты Креста

Крест Христа и истинное подражание Марии

Новая Ева и Её потомство

Sponsa Christi – Невеста Христа

Врата небес блаженной Елизаветы Пресвятой Троицы

Тайна внутренней жизни Марии

Элизабет (Елизавета) – «дом Божий»

С Матерью под крестом Иисуса

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Введение

Мать никогда не умирает. Это одно из самых прекрасных человеческих убеждений, проверенных опытом. Наши земные матери, порой давно умершие, сопровождают нас всю жизнь. Они рядом с нами на старых фотографиях, в милых воспоминаниях, мимолётных ощущениях тепла и согласия со времён нашего детства. Они всегда остаются и постоянно воспитывают.

Такова и Матерь Спасителя, Жена, Которая испытала материнство исключительного рода. Постепенно открываемая Церковью и выведенная из-за завесы молчания Назарета, Она является ныне, как верная спутница человека на его извилистых земных путях. Как отдельным людям, так и целым сообществам, Христос оставил приглашение, чтобы они приняли Марию к себе, любили Её и подражали Ей. Взамен они получают от Неё дар особенной материнской доброты.¹

Этот опыт способствовал возникновению многочисленных орденов, конгрегаций и их духовности, в которой они обращаются к Марии, как к совершенному образцу следования за Христом, выбирают Её покровительницей и, вместе с тем, запечатлевают знак Марии в свойственных им традициях, в своём месте и времени. История и духовность отдельных монашеских общин, равно, как и Ордена Кармеля, воссоздают запись этих неповторимых отношений.

Марианский характер Кармеля – это огромная живая книга, первые исторические страницы которой начинается в Палестине XIII века, а последующие – постоянно дописываются. Это история борьбы призванного человека за обретение, близость того, что есть материнского и непорочного в Боге. Это усилия для полного упования в трудных ситуациях, при кажущемся отсутствии выхода из них, когда стоишь на берегу реки невозможного, когда смотришь на жизнь с границы доверия и отрешённости. Эта история постоянно открыта и обогащается с каждым новым кармелитским поколением. Характеризует её определённая особенность, вытекающая из созерцательного призвания Кармеля, которое глубже соединяет его с Марией, живущей в постоянном созерцании Троицы.

Мы желаем открыть перед читателем некоторые страницы упомянутой книги, показывающие красоту и разнообразие кармелитских связей с Марией. Рассмотрим их через призму духовности, истории, живого свидетельства святых и блаженных, археологии, живописи, преданий, литургии, геральдики. Всю книгу невозможно прочесть, потому что многое из того, что в ней содержится, составляет тайну, известную лишь только Всемогущему. Это, прежде всего, касается марианской мистики – опыта, трудного для передачи, так как он совершается в глубинах сердец отдельных личностей. Однако мы надеемся, что отдельные образы, составляющие книгу «Мария в жизни Кармеля», приблизят всем интересующимся прекрасный свет присутствия Матери Иисуса в общинах кармелитов и кармелиток.

¹ Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Vita Consecrata*, 28/.

Глава первая МАРИЯ СО ВЗГОРЬЯ КАРМЕЛЬ

Кармель и его символика

Голландский кармелит и журналист, блаженный Титус Брандсма, со свойственным ему ощущением божественного предназначения земных вещей, развивает прекрасное размышление о месте зарождения своего Ордена: «Кармель возносится над жизненными тревогами, над бурными штормами этого мира. Его уединение – за пределами лихорадочной, подверженной капризам жизни; он окружён Божьим миром».²

Его размышление выражает тоску человеческого сердца по истинному миру, который, в отличие от бурной истории мира сего, не прейдёт. Человек в поисках его, старается достигнуть таинственного места, которое – как произвольно чувствуется, – скрывается где-то в нём самом. Устремляясь туда, постоянно что-то завоёвывает, постоянно куда-то восходит.

Красота взгорья Кармель с незапамятных времён восхищала и умножала в людских сердцах веру в возможность обретения пути к этому, неповторимому для каждого человеческого существа, внутреннему миру и гармонии, утраченному вследствие греха. В переводе с еврейского языка «Кармель» означает сад, плодоносный виноградник и, честно говоря, никакое иное определение не отразило бы лучше его тайну. Сады и природные урочища – это те места, в которых мы скрываемся от шумной атмосферы улиц и повседневных занятий. Мы ищем укромное место, чтобы найти уединение. Сады – это также чарующие своей атмосферой и простотой уголки. Для многих они были первой школой молитвы сердца, в котором поселяется Творец всякой красоты и гармонии.

Сад Кармеля величественно возносится над окружающими равнинами библейской Палестины. С вершин холмов открывается остающийся в памяти вид на живописные края, по которым в прошлом проходили стопы пророков, царей, Иисуса и Его учеников. Внимание наблюдателя, путешествующего взглядом по далёким горизонтам, притягивает горная цепь Ливана, возвышенности Галилеи, гора Моаб /Моав/, склоны Гильбоа /Гельвуй/ и горы Эфраима /Ефрема/. Однако особенно привлекательна равнина Ездrelон /Изреель/, до глубины проникнутая тайной Назарета, тайной долгих лет сокрытой жизни Марии и Её Сына. На противоположной стороне раскрывает свою синеву Средиземное море, которое, соприкасаясь с горизонтом, производит впечатление как бы продолжения бескрайнего неба.

Обретение внутреннего мира требует духовного восхождения, поэтому Кармель неизбежно ассоциируется с вершиной совершенства. В воображении человека высокие и труднодоступные горы всегда занимали особое место. Их вершины, окутанные облаками или утренним туманом, считались таинственными и святыми местами пребывания богов. Там сливались и взаимно переплетались истории двух миров, человеческого и божественного. Оттуда исходили таинственные послания и там часто решались судьбы древних людей и народов.

Священные горы являются важным элементом каждой религии, не исключая также иудаизм и христианство. Благодаря библейским пророкам, а позднее и самому Христу, до сих пор традиционно почитаются горы Фавор, Хорив, Синай, а также Голгофа. К группе священных гор относится также и Кармель /Кармил/. Святой Иоанн Креста, великий учитель молитвы, живший в XVI веке, представил свою духовную доктрину в виде простого рисунка горы Кармель. Чтобы достичь её вершины и испытать красоту и покой Божественного сада, который описан словами: «Я ввёл вас в землю плодоносную /Кармель/, чтобы вы питались плодами её и добром её...» /Иер 2,7/, нужно уже у подножия выбрать собственный путь. Там уже начинаются три пути. Два из них, путь хлопот о земных благах и путь стремления к благам небесным, теряются где-то в половине горы. Первую дорогу украшает надпись: «Чем больше их искал, тем меньше их нашёл», а другую дорогу: «Чем больше жаждал их иметь, тем меньше их был удостоен». В сад Божественного мира ведёт дорога совершенного упования в духе смирения и детской зависимости от Отца, что святой выразил словом «nada» – «ничто».

² *Carmelite Mysticism. Historical Sketches*, Illinois 1986, стр. 1./

Кармель, от которого происходит название Ордена, в действительности является не отдельной вершиной, а обширной горной цепью, протянувшейся вдоль побережья Средиземного моря на территории государства Израиль. Взгорья Кармеля всегда стояли как бы в стороне от человеческой истории. Не вмешиваясь в великие и переломные события, создавали естественную уединённую обитель. Скрываясь в закоулках известковых долин, жили своей жизнью, которая сохранила для нас бесценные сокровища мистического опыта переживания Бога. В «Доме» Кармеля обитали библейские пророки и их ученики. После них сюда прибыли византийские пустынножители, чтобы на переломе XII и XIII столетий уступить место отшельникам Запада. Одновременно с наступлением христианства, на высоты Кармеля также прибыла и Мария.

Пещера византийских пустынножителей

Местом возникновения первой кармелитской общины является Вади'айн эс-Сиах, долина в русле реки, в древности протекавшей по склонам Кармеля.³

Археологические исследования долины обнаружили, что кармелиты не были первыми обитателями тех окрестностей. Начало христианской традиции пустынножительства было положено в этом месте уже в середине V века. Красноречивой чертой той предкармелитской эпохи, сосредоточенной, в основном, вокруг личности и духовного наследия пророка Илии, является её марииный характер. Он связан с небольшой пещерой в форме ясель, выбитой в известковой скале, которую археологи идентифицируют как место молитвы византийской общины.⁴ Почему отшельники придали именно такой вид месту, предназначенному для литургических ритуалов?

Исследования пещеры показали, что её внутреннее убранство знаменует тайну Рождества Иисуса в вифлеемском хлеву.⁵ Византийские пустынножители поселились в Вади'айн эс-Сиах спустя некоторое время после Эфесского Собора /431 г./, который присвоил Марии титул *Theotokos*, то есть «Богородица». Собору предшествовала горячая полемика с Несторием, патриархом Константинопольским, который утверждал, что Мария является только матерью Христа как человека – *anthropotokos*, а не матерью Бога. Пещера в Вади'айн эс-Сиах является доносящимся до нас от византийских пустынножителей Кармеля исповеданием веры в Божественное материнство Марии и памятным знаком борьбы, которая привела к провозглашению этого догмата.

Следы марианской традиции византийских отшельников, пережитой в глубоком уединении и тишине, находятся вдалеке от шума городов, они – как бы прелюдия, предзнаменовавшая официальный культ Матери Божьей на взгорьях Кармеля. Божественное Провидение насадило зачатки кармелитского Ордена в подготовленную ранее духовную традицию этой местности, а её две главные особенности – культ Марии и культ пророка Илии – стали столпами всей духовной традиции и культуры Кармеля.

Наставница молитвы и Её ученики

Обретя Устав /между 1206 и 1214 годами/, первые кармелиты публично провозглашают образование нового Ордена, подчёркивая при этом, что как сами они, так и их святая

³ Историки по-разному переводят арабское слово *сиах*, чаще всего, как “паломник”, “отшельник”. В кармелитской традиции Вади'айн эс-Сиах – это “Долина Мучеников”: это название относится к преданию о мученической смерти последней общины Ордена в долине в 1291 г./

⁴ E. Friedman, *The Latin Hermits of Mount Carmel*, Roma 1979, стр. 67; E. Nitowska: *Making the Stones Speak*, [в:] “Carmel in the World”, №3/1989, стр. 178. /

⁵ E. Nitowska, *The 1987 Preliminary Season in the Wadi es Siah, Mt. Carmel Project 1987*, стр. 48-68 (не опубликованные материалы исследований для внутреннего пользования); *Mt. Carmel Project. 1988 Spring Season, Carmelite Monastery*, Salt Lake City 1989, стр. 51-56 (не опубликованные материалы исследований для внутреннего пользования). /

гора принадлежат Марии. И отмечают при этом, что «построили там церковь в честь Благословенной Девы Марии, Которую избрали своей покровительницей и от Которой, благодаря апостольской привилегии, происходит их название: Братья Благословенной Девы Марии с Горы Кармель».⁶

Самое раннее историческое упоминание о начале кармелитского культа Марии исходит от франкского паломника, который в 1231 году писал в своей хронике поездки по Святой Земле: «На склонах той же горы /Кармель – прим. автора/ находится прекрасное и исключительное место с маленькой церковью в честь Матери Божьей».⁷ Не исключено, что войдя в церковь, он увидел в полумраке, наполняющем её, икону Марии, которая открыла ему тайну этого места, которое он посетил. Не случайно, что одним из самых старинных почитаемых образов, сохранившихся до нашего времени, является относящаяся к XIII веку икона Марии, Матери и Царицы Кармеля, палестинского происхождения. Так, по крайней мере, гласит традиция.

Когда в конце восьмидесятых годов XX столетия были исследованы развалины церкви, была обнаружена любопытная вещь. Оказалось, что в прошлом на самом деле имелось шесть отшельнических келий, прилегающих непосредственно к её стенам. В свете установленного, весьма интересным является свидетельство Иакуба де Витры, епископа Аккского, который написал о латинских отшельниках с Кармеля, после визита, нанесённого в Вади'айн эс-Сиах, и сравнил их жизнь с трудом пчёл и с сотами мёда: «Живя уединённо в небольших кельях, подобных перегородкам ячеек в сотах мёда, эти Божьи пчёлы собирали сладкий духовный мёд».⁸ Глядя на поселение пустынников с небольшой возвышенности, именно с такими образами он смог ассоциировать церковь с прилегающими к ней кельями.

Первоначальный Кармелитский Устав требовал, чтобы в сердце обители находилась церковь – место общей молитвы братии. Это центральный пункт, к которому все спускаются со своих пещер. Туда они приносят свои ежедневные труды, усилия и духовную борьбу. Там, в центре кармелитской лавры⁹ их ждёт Мария. Это красноречивый знак жизни Ордена, посвящённой Марии у самых его истоков – пустынники собираются вокруг Жены, чтобы учиться у неё общению с Богом в беседе

Во времена средневековья многие кафедральные соборы, церкви и часовни носили имя Марии. Таким образом, сам факт посвящения Деве Марии кармелитской церкви не был чем-то чрезвычайным. Фактом, достойным внимания, является то, что пустынники решились посвятить свою жизнь, чтобы каждый день и каждую ночь – как предусматривал их Устав – тщательно изучать святые книги и тайны молитвы, идя за Христом, вслед Его Матери. С тех пор каждое следующее кармелитское поколение взирает на Иисуса глазами Марии, участь у Нёе сыновнему пребыванию пред Лицом Отца.

В отражении естественной красоты Кармеля

Естественная красота горной цепи Кармеля с незапамятных времён вдохновляла воображение тех, которые встречались с ней. Когда пророк Исаия произнёс благословение над землёй иудейской, облёк её «славой Ливана, великолепием Кармила и Сарона» /Ис 35,2/. Автор *Песни песней*, прославляя красоту своей возлюбленной, признавался: «Голова твоя на тебе, как Кармил» /Песн 7,6/. Когда избранный народ утратил свою политическую независимость и пал морально, предаваясь идолопоклонству, пророки сравнили это его горестное положение с утратой Кармелем естественной красоты, вплоть до его опустошения: «обнажены от листьев своих Васан и Кармил» /Ис 33, 9/. Такое сопоставление было полностью оправдано. Весною небольшие поляны, виноградники, оливковые рощи, глубокие овраги и горные уступы Кармеля просто взрываются красками цветов, свежей зеленью трав, кустарников и деревьев, которые прекрасно гармонируют с белизной известковых скал. Именно

⁶ A. Staring, *Medieval Heritage. Early Reflections on the Nature of the Order*, Roma 1989, стр.41.

⁷ J.Smet, *The Carmelites. A history of the Brothers of Our Lady of Mount Carmel*, Roma 1975, стр. 9.

⁸ Там же, стр.3.

⁹ Слово *лавра* относится к узкому оврагу, ущелью. Означает группу, ряд пещер, в которых жили пустынники. Обычно одна из самых больших пещер лавры служила всей общине в качестве часовни.

ввиду этих характерных черт, эти возвышенности получили название «Кармель» – сад, виноградник.

Природное очарование этих холмов делает их местом со специфической, особой атмосферой. С давних времён Кармель был трудно доступным для людей и в определённой степени остаётся таким и сейчас. Глубокие ложбины, выдолбленные водой в мягкой извести, почти вертикально вырастающие из земли отвесные скалы, делают невозможным лёгкое передвижение. Ещё до недавних пор, пока человек, как непрошенный гость, не вторгся со своей техникой в тишину гор, они представляли собой огромную природную обитель. Ведь в уединении происходят таинственные вещи, скрытые от людских глаз.

Рим завоевал Грецию в военном отношении, она же завоевала его своей культурой. Нечто подобное произошло и с пустынниками, составлявшими начатки Ордена. Овладевая тихими, уединёнными пещерами Кармеля, они сами стали покорены им. Горы завладели их воображением и сердцами. Кармелиты обрели там именно то, что искали: уединение, красоту и святость. Красота природы сокровенно говорила им о красоте души, которую Бог ей уделяет. Уделяет же тогда, когда душа полюбит одиночество, ибо тогда Он нисходит к ней.

Соделав Марию своей Матерью и Владычицей обители, эремиты приписали Ей всё самое ценное и прекрасное, что содержали в себе эти горы. Великолепие, уединение, тишина и возвышенность Кармеля, приводящие их души к созерцанию Бога, достоверно описывали тайны Её жизни и Её внутреннюю красоту. «Когда Исаия предсказал Воплощение Христа, – пишет один из ранних авторов, – он обещал, что Он родится от Девы, Которая унаследует красоту Кармеля. Так говорит Исаия об этой Деве: «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, и расцветет, как нарцисс; великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать; слава Ливана дастся ей, великолепии Кармила и Сарона» /Ис 35, 1-2/. Великолепие Кармеля было дано Ей, когда осенила Её Сила Всевышнего, делая плодоносной без порока».¹⁰

Природа была зеркалом, в котором отражалась их Мать. Глубокая тишина и уединение холмов вызывали в памяти тишину и уединение Назарета, где в сердце Марии снисходил Дух Отца, рождая в нём прекраснейшие цветы добродетелей. Возвышенность Кармеля, возносящегося над синевой моря и окружающими его равнинами, говорила о возвышенности Марии над всеми людьми, над их грехами. Единство того, что находится у подножия горы, с тем, к чему восходит её вершина, образовало тайну соединения в Марии божественного с человеческим. Плодородные виноградники Кармеля вызывали мысль о Христе – Плоде Её плодоносного и девственного лона.

Гора Кармель каждый год приносит свежие и прекрасные цветы. Кармель-Орден, мистический сад, на протяжении веков постоянно приносит новые цветы святости. Мария, первый Цвет Кармеля, является прекраснейшим из них. К Ней обращаются и воздыхают все остальные. От Неё они получают своё очарование. Она – образец и совершеннейший отблеск святости Предвечного.

Эта натуральная символика природы была в Ордене самым древним способом описания Марии, а выражения «Цвет Кармеля» и «Ветвь Плодоносная», которыми пустынники обращались к своей Матери, дошли до самых начатков кармелитской общины.

В направлении иерусалимской литургии

Характеризуя первую общину Ордена, один кармелит в XIV веке писал: «Первые обитатели горы Кармель были простыми отшельниками, необразованными, убогими, не имели пергамента, и не были писателями. Были скорее сведущи в молитве, а не в писании».¹¹

Личности, составлявшие начатки Ордена, принадлежали к числу светских пустынников, проходящих по дорогам Европы того времени. Они направляются в Палестину в поисках своего собственного способа служения Христу. Сначала они не принимают рукоположения в священники. По собственному усмотрению, каждый из них создаёт особый мир обычаев, привычек, определяет себе собственный ритм молитв, соответствующие для них время и

¹⁰ Джон Бэконторп, цит.: R.M. Valabek, *Mary, Mother of Carmel*, Roma 1988, том I, стр. 29./

¹¹ J. Hildesheim, цит. по: J. Smet, *The Carmelites*, стр. 59.

способ. Это разнообразие традиций уступает место однородной литургии, когда пустынные организуют общину, становятся признанными Римом, как очередная монашеская семья, появившаяся в лоне Церкви.

Подыскивая для себя литургические образцы богослужения, они прибегают к традициям, обычаям, которыми живёт Иерусалимская Церковь. С того времени, как в материнском монастыре на горе Кармель, так и в европейских монастырях, усердно следующих палестинским традициям, даже до конца шестнадцатого века кармелиты применяют простую и строгую литургию, называемую обрядом базилики Гроба Господня. Это был римско-галльский обряд, близкий картезианской литургии, происходящий из центральной Франции и приспособленный к иерусалимским традициям во время существования феодального государства крестоносцев. Он объединял в себе местные ритуалы Страстной Недели из базилики Гроба Господня с элементами галльского обряда Мессы и бревиария /требника, молитвенника так наз. Литургии Часов/. К нему обращались разные монашеские общины, среди них братья – стражи Гроба Господня, иоанниты, тамплиеры, норбертанцы и братья госпитальеры Пресвятой Девы Марии.

Жизненной частью кармелитского обряда, основывающегося на иерусалимской литургии, являются многочисленные обычаи, обращённые к личности Матери Иисуса.¹² Литургия изобилует марианскими интонациями, заполняющими почти весь день. Утром, перед первой /первым часом Литургии Часов/, поётся Месса о Пресвятой Деве Марии, а вечером, после комплетория /молитвы повечерия, заключительной молитвы дня/ и пения антифона *Salve Regina* /«Славься, Царица»/, община ещё раз собиралась перед Её алтарём, чтобы спеть какую-нибудь песню в Её честь. Ежедневно читался Малый Официум /в Католической Церкви ежедневная молитва по бревиарию, состоящая из псалмов, молитв и чтений, так наз. Литургия Часов/ о Пресвятой Деве Марии. Многократно в течение дня пели антифон *Salve Regina*, потому что Капитул в Барселоне (1324) постановил завершать им все святыне Мессы и отдельные части Литургии Часов Имя Марии вводится в *Confiteor* («Исповедую»). Раз в неделю, чаще всего в субботу, когда это позволялось правилами, весь литургический официум /богослужение и Литургия Часов/, был посвящён Марии. Вышеупомянутые традиции обогащали богородичные процессии, литании, розарий и братства.

Сначала Орден не отмечал престольного праздника своей Матери, как Покровительницы. Впервые торжественная память Девы Марии – *Commemoratio sollemnis Sanctae Mariae* – праздновалась, вероятнее всего, в Англии, в конце четырнадцатого века, 17 июля. В начале следующего столетия празднование распространилось на территории всей Европы, в день 16 июля.¹³

Необычайно торжественно отмечались празднества: Благовещения, Успения и Непорочного Зачатия Богородицы. Последнее из них исключительно сильно вросло в марианскую идею Кармеля. Прежде, нежели Церковь провозгласила как догмат то, что Мария была сохранена свободной от всякого порока первородного греха, что «всецело прекрасная и совершенная, сияла такой глубокой невинностью и святостью, которую невозможно даже представить у кого-либо другого, кроме Бога».¹⁴ Орден защищал Её чистоту в многочисленных полемиках, включаясь, таким образом, в течение *sensus fidei* народа верных.

Одно из прекраснейших свидетельств защиты этой особенной привилегии Матери Христовой оставила Мария св. Терезы, семнадцатилетняя фламандская мистичка и кармелитская терциарка /член третьего ордена/. «Возлюбленный и Его любимейшая Мать весьма ясно сказали мне или дали познать истинность этой Тайны, а именно то, что Мария по благодати Всемогущего Бога была зачата без малейшего греха или порока. Ибо Бог, от века предызбрав Её Себе Матерью, не хотел и не позволил, дабы благословенный Плод сей был уязвлен грехом хоть на мгновение или в нём был зачат. Дражайшая моя Мать ясно сказала мне, что так и было на самом деле, подтвердила это с такой уверенностью, без малейшего сомнения, что даже по сию пору я всегда готова даже пролить кровь и жизнь положить в подтверждение сему и в защиту сей правды. И потому мне кажется странным, что ещё мож-

¹² В. Froissart, *Святой Иоанн Креста*, пер. босые кармелитки, Краков 1982, стр.62; R.M. Valabek, *Mary, Mother of Carmel*, Roma 1988, том I, стр. 31 и 75; Е. Voaga, *Carmelite Devotion toward Our Lady* [в:] "Carmel in the World", № 28/1989, стр. 16.

¹³ J. Smet, *The Carmelites*, стр. 136.

¹⁴ Начало буллы *Ineffabilis* Пия XII (1854), провозглашающей догмат о Непорочном Зачатии Марии.

но встретить кого-то, кто не принимал бы всем сердцем истины о Непорочном Зачатии Матери Божьей, и меня охватило горячее желание упросить Бога, дабы Он соизволил склонить Его Святейшество Папу Римского, чтобы он не откладывал более провозглашения сей правды как догмата святой веры нашей».¹⁵

“Salve Regina” против мусульманских мечей

История кармелитов в Вади'айн эс-Сиах трагически заканчивается вместе с падением королевства крестоносцев в 1291 году.

После утраты христианами Иерусалима ситуация в Палестине значительно ухудшилась. Кармелиты также переживали тяжёлые времена. Один из ранних списков святых Ордена сообщает, что множество братьев в то время понесло смерть от рук неверных. Папа Иннокентий VI, кроме того, добавляет, что “набеги язычников стали причиной того, что наши возлюбленные сыновья, пустычники Матери Божьей с Горы Кармель, не без огромных душевных мучений отправились в море”.¹⁶ Большими шагами приближались трагические события, которые подробно описал своей хронике очевидец, кармелитский писатель.¹⁷ Из его рассказа мы узнаём, что после захвата Акко сарацины направились на гору Кармель, где застали монахов, поющих антифон *Salve Regina*. Перебили их всех, а монастырь уничтожили.

Новейшие археологические исследования окончательно подтвердили трагический ужас тех дней. На свет извлекли скопления пепла, обуглившиеся фрагменты строений, деформированную огнём керамику, осколки зажигательных мусульманских снарядов – свидетелей жестокой и насильственной мученической смерти. Размышляя над трагической смертью и миграцией кармелитских отшельников со Святой Земли, отец Иоахим Смет, историк Ордена, отмечает: “Отшельники, так сильно преданные делу бодрствования в молитве на земле, освящённой следами стоп Христа, всё-таки должны были иметь очень серьёзные причины, которые вынудили бы их уехать. Однако же некоторые из них решили остаться на месте и противостоят всему, что принесёт им будущее. Но то, что в то время расценивалось, как отчаянный шаг, в конце концов, оказалось благословением. Не первый и не последний раз стремление к подавлению какого-либо идеала приводило к ещё более широкому его распространению. Горчичное дерево с Кармеля должно было бросить свои семена в благодатную почву Западной Европы”.¹⁸ К этой прекрасной мысли отца Смента можно добавить лишь то, что упомянутые горчичные зёрна содержали в себе скрытый потенциал марианской идеи, духа и преданности Богородице.

Мы знаем, что в первоначальной общине Кармеля были такие люди, которые решались оставаться в горах, невзирая на смертельную опасность. Такое решение они принимали не только по причине обещанной Иисусу Христу верности, но также и ради Марии – Покровительницы и Матери Ордена. В их решении нас восхищает верная любовь, однажды принесённая в клятве Христу и Царице Кармеля, которая осталась неизменной, хотя трагически изменились обстоятельства жизни. Дар созерцательного призвания они поставили выше собственной жизни и отдали её Той, Которую ожидали с пением *Salve Regina* на устах.

Глава вторая МАРИЯ ВСЁ БОЛЕЕ СОВЕРШЕННОЙ ПРЕДАННОСТИ

Кармелитское представление Марии

Наблюдая за развитием связей Кармеля с Марией, мы замечаем, что они эволюционируют – как в исторической плоскости, так и в богословской мысли – в направлении всё более совершенного отдания себя Матери Иисуса. Кармель не сразу выразил определение,

¹⁵ Мистическое соединение с Марией [в:] Bibliotheca Carmelitana, том II, Краков 1938, стр. 27.

¹⁶ Булла *Paganorum incursus* от 27 июля 1247 г. В. Edwards, H. Clarke, *The Rule of Saint Albert*, Aylesford and Kensington 1973, стр.23.

¹⁷ Willhelm de Sanvico, *Chronica*, изд. G. Wessels, AOC 3/1914-16, глава VIII.

¹⁸ *The Carmelites*, стр. 12.

что живёт “для Марии, в Марии, с Марией и через Марию”, тем не менее, тот образ, которым Орден относился к Ней на протяжении веков, привёл его именно к этой формулировке.

Тайна марианского характера Ордена подобна истории ранее упомянутого горчичного зерна, которое, будучи брошенным в землю, вырастает в куст, напоминающий небольшое дерево /Мф 13, 31-32/. Это крошечное зёрнышко, брошенное Божественным Провидением в плодородную глубину гор Кармеля, символизирует марианское измерение, масштаб жизни безмянных, но таких близких кармелитским сердцам, византийских отшельников. В течение многих веков, в забвении и тишине гор, как будто в земле, оно ожидало времени своего прорастания. Час тот наступил одновременно с образованием первой кармелитской общины, официально принимающей марианский характер своей духовности.

Кармель не занимался мариологией, как исключительно богословской дисциплиной. Не интересовался Марией только со стороны теоретических познаний о Ней. С самого начала интерес к личности Марии носил практический характер и был делом тождественности. Мариология для Кармеля – нечто большее, чем научные познания о Марии – это тайна “принятия Её к себе” /Мф 1, 20/, и таким образом, вопрос качества кармелитской жизни, дело реализации харизмата, порученного Ордену.

В литературе Ордена, посвящённой Марии, функционирует понятие «кармелитского представления Марии». Оно охватывает совокупность познания Кармелем личности Марии, а это есть нечто большее и глубокое, нежели только доктрина о Ней. Кармелитское представление Марии – это духовное и историческое пространство Ордена, в котором наступил его союз, соединение с Матерью Иисуса Христа. Оно приобретало различные формы, давая начало четырём представлениям Марии: как Покровительницы или Владелицы данной местности (XIII и XIV вв.), Матери (XIV в.), Сестры и Девы Чистой Сердцем (XV в.). Разумеется, что здесь речь идёт не о самих понятиях, ведь они всё-таки универсальны, а о сути, которую видели в них кармелиты.

Рассматривая вышеуказанные представления в порядке их возникновения, мы заметим, что в плане отношения к Божьей Матери каждое последующее является более совершенным, чем предыдущее. Здесь становится очевидным развитие формы преданности Ордену Марии, проходящее от отношений, опирающихся на феодальной основе «Госпожа и Её вассалы», через переживание более тесных, родственных связей – материнских и сестринских, вплоть до самого мистического характера принадлежности, сосредотачивающего внимание Кармеля на тайне чистоты сердца.

Вассалы Госпожи Кармеля

На заре первой кармелитской общины произошло важное событие, которое определило для будущих поколений Ордена направление духовного пути к Богу. Пустытники посвятили свою церковь Марии, именуя Её с тех пор Покровительницей и Владелицей местности. Они были детьми феодальной эпохи, в которой покровительство привлекало две стороны с взаимными правами и обязанностями. Вассал обещал своему господину служение и выражал принадлежность ему специальной присягой, кладя свои руки в его руки.¹⁹ Помимо этого, в определённых обстоятельствах вассал был обязан отдать за него жизнь. Господин же, в свою очередь, брал на себя защиту вассала и обеспечивал ему содержание. Также жаловал ему лен – земельный участок.

В реалиях религиозной общины феодальная действительность выражалась во владении церковью либо часовней, посвящённой какому-либо святому и в воздаянии ему особых почестей. Владыкой всей Святой Земли был Христос, Господь сего места (*Dominus loci*), а Его Мать – Госпожой места или местности (*Domina loci*). Для отшельников Кармеля посвящение своей церкви Марии означало признание Её Госпожой, Владелицей всей обители. Через этот акт они присягали на исключительное служение Деве Марии взамен на Её покровительство и защиту. С тех пор их повседневная жизнь, – как в духовном плане, так и в материальном – становилась Её собственностью и находилась в Её попечении. Они же должны были всецело и полностью отдать себя Ей в молитве и труде путём истинного наследования Её добродетелей и распространения Её почитания. Всё своё великолепие Кармель, таким

¹⁹ Этот жест по сей день сохранился в формуле монашеской профессии, т. е. обетов, пострига.

образом, отдаёт Марии / ср. Ис 35, 2/. Эхо этого события мы находим уже в самой древней формуле монашеской профессии /обетов, пострига/ в 1281 г. Из неё узнаём, что кармелиты посвящали свою жизнь Богу и Марии: «Я, брат N /имярек/, приношу свою монашескую профессию и обещаю послушание Богу, а также Благословенной Марии, и тебе, брат N /имярек/, Генеральный Настоятель братьев-отшельников Ордена Благословенной Марии с Горы Кармель, и твоим преемникам, согласно Уставу и Конституции упомянутых братьев до самой смерти».²⁰

Все акты монашеской профессии /обетов, пострига/, принесённые кармелитами и кармелитками обеих ветвей Ордена, изначально базируются на этой, самой первой.

Мать и Её сыновья

Вассал и раб не являются домочадцами, а значит, не имеют прав, принадлежащих сыновьям. Углубление в Кармеле размышления о Марии направлялось к более глубоким отношениям, которые позволили бы Ордену «прижиться, устроиться» у Марии, рождая сыновние отношения к Ней. Это было лишь начало пути к настоящей любви, скрытой в понятии «рабство любви».

Когда Орден Кармеля стал приобретать новый опыт, *Domina loci* стала всё меньше означать Госпожу, Владелицу, а всё более – мать. Даже будучи Госпожой, Владелицей взыгорий Кармеля, Мария не пренебрегала своими материнскими обязанностями, а значит, защитой и заботой о жизни вверенных Ей отшельников. С самого начала Её присутствие было для них присутствием материнского характера, так как их Госпожа создавала духовное пространство и атмосферу Кармеля, в которой они возрастали.

Над изображением Марии, которое кармелиты поместили на своём первом гербе (1499 г.), видна лента с изречением: «*Sum Mater et Decor Carmeli* – Я есть Мать и Краса Кармеля». Эти слова, отражая стремление Ордена к более совершенной принадлежности Марии, вводят нас в тайну материнских уз, отношений, направленных на воспитание. Мария-Мать принимает сыновей и дочерей Кармеля, сопутствует их развитию и приводит к соответствующей каждому полноте. Это является сердцем марианской жизни кармелитской общины.

Обращаясь к Марии как к Матери, мышление ордена не оставалось на поверхности этого слова, но искало его глубинной сути. В этих поисках возник титул – «Первая Родительница кармелитской общины».²¹ Называя её «Родительницей», кармелиты подчеркнули, что речь идёт о их происхождении от их Покровительницы. Они происходят от Нее, а затем существуют, чтобы почитать Её. Это убеждение мы находим в самых древних сформулированных официальных документах Ордена. В письме английскому королю, Эдуарду I (1282 г.), генерал кармелитов, Пьер де Милло, уверяет его в молитвенном заступничестве «у Бога и упомянутой выше Девы, в честь и во славу Которой Орден сей был основан в заморских странах».²² В свою очередь, участники Генерального Капитула в Монпелье (1287 г.) взывают к «заступничеству Благословенной Девы, Матери Иисуса, поскольку для служения Ей Орден наш и был основан».²³

Кармель – «детище» Марии не на правах усыновления, но через факт «происхождения» от Нее, бытия «рождённым» Ею.

Братья и их Сестра

Слово «братья» в названии Ордена (Братья Пресвятой Девы Марии с Горы Кармель – Кармель старой обсерванции /соблюдения устава/; Братья Босые Пресвятой Девы Марии с Горы Кармель – терезианский, реформированный Кармель) указывает на первое место от-

²⁰ B. Edwards, H. Clarke, *The Rule of Saint Albert*, стр.26.

²¹ Арнольд Бостиус, *De Patronatu et patrocinio B.V.M. in dicatum sibi Carmeli ordinem* [в:] *Speculum Carmelitanum*, Antuerpiae 1680, том I, 1531.

²² A. Staring, *Medieval Carmelite Heritage*, стр.45.

²³ Там же, стр.51.

ношений духовного родства монахов друг с другом. Первоначальная община Кармеля из Вадийн эс-Сиах, хотя и богата внутренне в отношениях обычаев, традиций, но одновременно однородна, когда речь идёт о должностях и постах. Не существует разделение на священников и не священников, которое появилось несколько позднее. Священство на этом этапе является вещью второстепенной, поскольку дело касается вопроса большого значения, верности кармелитскому жизненному пути, в центре которой – следование Христу (*obsequio Jesu Christi*), в духе пророка Илии. Реализация этого призвания не требует принятия рукоположения в священники. Этот путь может пройти в святости также и светское лицо. Таким образом, кармелитские отшельники являются друг другу братьями: братьями в молчании, в бедности и в верности единой цели.

После прибытия в Европу и включения Ордена в направление духовности нищенствующих орденов братство приобрело новый облик, обогатилось – родством с нищими Христа. В жёсткости солидарности с беднейшими слоями общества (*minores*), нищенствующий Кармель подтвердил свой свободный выбор отречения от собственности, чтобы просить подаяние на средства к существованию.

Церковь увидела, что это укоренение в нищете, связанное с созерцательным призванием Ордена – ценная жемчужина не только для него самого, но и для всей общины верующих. Поэтому она оградила это сокровище официальным постановлением: «Нашим возлюбленным сыновьям, Приору и братьям отшельникам с горы Кармель, пожелания здоровья и апостольское благословение. По бдительности, которую предписывает нам наша должность, мы обязаны печься о том, дабы те, которые омыли стопы свои, вступив на гору помолиться с Господом, не загрязнили их вновь, нисходя с места созерцания; и дабы, возвращаясь к вещам земным, коих отверглись, не облеклись, как прежде, в покров чувственности, который мог бы предоставить их врагам возможность сразить их в битве с силами зла. А стало быть, поскольку вашим делом есть пребывать близ Господа с чистыми ногами, дабы, таким образом, открыться для созерцания вещей небесных и взяться за битву с силами зла, освобождаясь от всех вещей земных, мы, в заботе о вашем благе, желая уберечь вас от казни вновь загрязнить стопы ваши либо уступить в борьбе, авторитетом этих писем строго воспрещаем вам принимать каким бы то ни было образом либо обладать как своей собственностью пустыней, землёю, поместьями, имениями, домами или доходами, за исключением ослов, а также небольшого количества домашней утвари и домашней птицы».²⁴

В понимание братства, как пустынно-жителейского и нищенствующего ордена, вписывается ещё одно – братство совместного пути с Марией. Размышления кармелитов над духовным путём жизни, предъявленным им в Уставе, совпали с открытием пути, которым Она направлялась к Богу. Точкой соприкосновения этих путей был дар сердца. Стремление принести чистое сердце в совершенной жертве Богу составляло общее наследие кармелитов и Девы Марии из Назарета. Это был узел, связывающий братьев и их Сестру. Безымянный автор сочинения пятнадцатого века *Книга институции /учреждения/ первых монахов (Liber de institutione primorum monachorum)*, выводя начатки Кармеля от пророка Илии, в котором он видел первого человека, добровольно сохранившего девственность для Бога; разъяснил эти братско-сестринские отношения согласно ментальности своего времени, для которого более важным, нежели буква и историческая истина, было духовное послание. Затем мы читаем, что «Последователи Илии обратили внимание, что Бог особенным образом объявил их предшественникам (...), что родится девочка, которая от чрева матери своей будет свободна от всякого греха и порока, которая, так же, как и они, добровольно изберёт девственность, и от которой, – несмотря на то, что она будет девой – родится Бог-Человек. (...) Не отступая перед трудностями, они избрали себе эту Деву своей покровительницей, поскольку поняли, что Она подобна им именно в этом добровольно выбранном целомудрии. Таким образом, как практика добровольного целомудрия была начата первыми членами Ордена, а через них среди других мужчин, так приверженность к невинности, чистоте среди женщин начала Матерь Божья. Следовательно, монахи-кармелиты стали первыми мужчинами, сохранявшими целибат, а благословенная Дева Мария – первой женщиной, которая дала обет девственности. (...) На основании этого единодушия, во времена апостолов, кармелиты называли Ма-

²⁴ В. Edwards, H. Clarke, *The Rule of Saint Albert*, стр. 19-20.

рию своей сестрой и – по этой же причине – именовали себя братьями благословенной Девы Марии».²⁵

Итак, братство указывает и на этот особенный аспект кармелитского призвания, чтобы идти по жизни с Марией, как с непорочной Сестрой, тем же самым путём.

Воспеватели Девы Чистой Сердцем

Размышления о братстве в отношении к Марии-Сестре, хотя порою относящиеся к легендам, обратили внимание кармелитов на стержень упомянутых выше связей. Они несли с собой важное послание: их и Её жизнь основывается на тех же самых ценностях, сосредоточенных вокруг чистоты сердца. Это были врата, вводящие Кармель в реальность мистики Марии. Даже до сих пор взгляд Ордена восхищают Её девственность, привилегия сохранения от первородного греха и материнская миссия. Теперь увидели и Её наибольшую тайну – совершенную чистоту. Без сомнения именно такое представление Марии, как Девы Чистой Сердцем, стало в Ордене доминирующей мыслью о Марии. Он рассматривал эту чистоту не только в отношении всецелой чистоты Её сердца от греха или же физической целостности, полноты, но гораздо более в свете Её полного самопожертвования; жертвы чистой, свободной даже от тени несовершенства.

Дева Чистая Сердцем навсегда нашла своё место в кармелитской основе внутренней жизни, понимаемой, как интимное пребывание с Богом в совершенном принесении себя в дар. Орден осознал, что такой образ пребывания с Отцом дан ему в Марии, а конкретно, в примере всецелой отдачи Ею Своего сердца Сыну. Иметь чистое сердце, как и Она, – это, прежде всего, принять сопутствующую и исключительную любовь Бога со всеми последствиями этого выбора. Это значит, отдаться Ему на хорошее и плохое; принять всё, что Он изберёт для тебя; отдать Ему не только слова и действия, но на самом деле «да будет мне»; не подсчитывать и не раздумывать, но довериться в простоте, искренно и с чистым намерением.

Чистое Сердце Марии совершенно принимает и отражает свет Бога, Его любовь, великолепие и предвечную волю. Эта тайна пленяла многие кармелитские умы. «Плодоносная Дева Мария, – писал в XV веке Арнольд Бостиус, – облечённая в солнце, вернейший образ истинного Солнца, светит ярче, чем тысячи звёзд, служащих Богу. Она – свет мира и царского дома небес. Силой сияния Своих лучей Она украшает и освещает Церковь, делая её бесстрашной и победоносной».²⁶ Спустя сто лет после него к символике солнечных лучей вновь обратится св. Иоанн Креста. Развивая размышления над совершенной чистотой души, он сравнивает её с окном, сквозь которое проникают солнечные лучи. Чем оно чище, тем больше пропускает света и тем светлее становится внутри. Учитель мистики не преминул намекнуть при этом на Матерь Христа.

Глава третья МАРИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ЛЕГЕНД

Кармелитская легенда

Прежде, чем художник примется за выполнение картины, уже в начале он обозначит детали второго плана. Они так часто имеют решающее значение, как мы воспримем и истолкуем главный образ. Сочетание красок и внешне мало значащие элементы помогают позитивному или негативному восприятию, действенно влияя на наше безмерно живое воображение. Древние легенды Кармеля о Марии играют роль именно такого фона. Они вводят нас в трудную для описания атмосферу, в которой родились и жили представления о Марии в Кармеле. Позволяют уловить нежные, тонкие чувства и отношения, которые невозможно обнаружить, задерживаясь единственно на исторических документах и богословских трудах.

²⁵ *The Book of the First Monks*, ed. P. Chandler, Centro Internazionale S. Albert, Roma 1992, книга VI, глава 5.

²⁶ *De Patronatu*, 1655.

Эти как бы изображают интеллектуальную сторону личности Марии. Те же приносят ценности, характерные для мира, которым живёт сердце. И только соединённые вместе, они создают Её полный образ.

Большинство древнейших легенд Ордена сосредоточено на одной проблематике – они описывают личное посредничество Марии в делах кармелитской общины, которая в начале своего существования испытала много трудностей. Когда не оправдали себя все чисто человеческие средства защиты, осталась ещё Мария. Она обладала силой эффективного воздействия и брала под защиту пустынников, которые с самого начала считали себя Её сыновьями. Для них, живущих как бы на стыке мира материи и духа, было чем-то самим собой разумеющимся, что Владычица гор Кармеля ответит личным посредничеством на призыв, полный смирения и упования. Итак, Она ходатайствует, когда после решений IV Латеранского Собора (1215 г.) Орден стоит перед перспективой ликвидации, когда подвергаются сомнению его связанные с Марией название и привилегии, его самобытная форма жития (*formula vitae*) и вытекающая из этого организация общины.

Легенда, словно фантастическая повесть, хоть и полна необыкновенных и чудесных мотивов, но предоставляет также материал для изложения содержания жизненной мудрости. Итак, кармелитские предания заключают в себе и отражают живописным образом истину о жизненных связях Марии с Орденем. Они описывают Её духовную красоту и восхищаются тайной Непорочного Зачатия. Некоторые из них часто цитировались, и можно найти их многочисленные версии; это доказывает, что они стали одним из путей первоначального свидетельства кармелитского харизмата.

В поисках самобытности

К наиболее популярным преданиям относится легенда о том, как Святое Семейство посетило кармелитскую пустынь. Это событие было красочно изображено на куполе санктуария *Stella Maris* на горах Кармеля отцом Луиджи Поджи. Фреска представляет Марию, Иосифа и Дитя – Иисуса, Которого они держат за руки. Святое Семейство покидает кармелитскую пустынь в Вади'айн эс-Сиах в сопровождении двух пустынников, несущих им еду в дальнюю дорогу. За ними, в небольших пещерах, виднеется группа оставшихся пустынников. Легко заметить среди них волнение. Каменные скрижали с Десятью Заповедями и Книги Старого Закона, на которых сосредоточено их внимание, позволяют нам догадаться о причине их волнения, – они воочию видят исполнение ветхозаветных пророчеств. Они видят Мессию, пришествие Которого возвещали пророки. Они также видят Ту, Которая Его родила удивительным образом.

Разумеется, фреска не относится к историческому событию. Со времён земной жизни Марии минует много поколений, прежде чем в Палестине на рубеже XII и XIII веков появится первый кармелит. Фреска является художественной интерпретацией прекрасной легенды, основанной на искреннем убеждении первых кармелитов, не имевших у своих истоков харизматической личности, как доминиканцы или францисканцы, что они происходят по прямой линии от пророка Илии и его учеников; что пребывают на горе Кармель непрерывно со времён его жизни. Следовательно, группа первых отшельников с Кармеля ищет корни своей тождественности в его духовном наследии, а также в сокрытой жизни Марии. Это именно Она, многократно посещая их во время Своей земной жизни, лично показывает им, как подражать Илию, которого они избрали себе духовным отцом. Она также посвящает их в тайну Своего призвания, в котором они видят отражение пророческого призвания кармелитской общины.

Предание стремится подчеркнуть, что встреча Кармеля с Марией носит семейный, родственный характер. Община кармелитских отшельников принимает у себя в гостях общину Святого Семейства. Это не какой-то банальный, мимоходом нанесённый визит, который не рождает никаких глубоких духовных или психических связей. Встреча двух общин имеет интимный, родственный характер, безмерно обогащающий и рождающий духовное родство. В такой атмосфере и с таким подходом Орден хочет встречаться с Марией. Отдалённость, недостаток упования, недостаток понимания необходимости делить с Нею все проблемы,

равно как и самые личные, – всё это ранит Её и делает невозможным передать дары, которые Она жаждет подарить.

Мария приносит в кармелитскую общину Иисуса. Это второе существенное послание предания. Представленные в нём общины не указаны, как равноценные. Хотя пустынноики и одаривают Гостей тёплой, радушной встречей, семейной атмосферой и заботятся, чтобы Они не испытывали недостатка в еде, в действительности, они сами получают бесценный дар – Мария приносит им Сына, плод Своей жизни, непорочной и сокрытой в тишине Назарета. Прежде, чем Иисус публично явится народу и поведаёт о Своей миссии, они уже знают Его тайну, всё ещё сокрытую в тени Её покрова. Мария приводит общину Кармеля к созерцанию тайн жизни Иисуса. Она всегда приходит первой, однако потом отходит в сторону, чтобы в центре остался только Её Сын.

В защиту названия Ордена

Другая легенда, которую мы находим в хронике Вильгельма де Санвиго, отшельника, жившего в XIII веке в монастыре на горе Кармель, рассказывает об опасном морском приключении короля Франции, св. Людовика IX, участника седьмого и восьмого крестовых походов. Однажды ночью, недалеко от гор Кармеля, на море случилась буря, угрожавшая кораблю его крушением. Король и экипаж судна были чудесным образом спасены, благодаря вмешательству Марии, почитаемой в кармелитской святыни. На обратном пути во Францию, во время третьей ночи плавания, уже перед рассветом, корабль короля испытал на высоте гор Кармеля два сильных толчка. «Они были так сильны, что морякам показалось, что они налетели на скалы, и корабль вот-вот начнёт тонуть. Духовенство, а также другие люди на судне, потрясённые этим событием, поспешили к своему благочестивому королю и нашли его, стоящего на коленях и горячо молящегося Богу. Полагая, что судно вскоре затонет, охваченные ужасом путешествующие услышали колокольный звон, доносящийся из монастыря Братьев Благословенной Девы Марии с Горы Кармель. Когда король услышал его, то спросил капитана корабля, где находится колокол. Тот ответил, что колокол принадлежит монастырю Братьев Благословенной Девы Марии с Горы Кармель. Будучи почитателем Божьей Матери, король поклялся совершить паломничество в монастырь, если блаженная Приснодева Мария спасёт его и всех его людей от этой страшной бури. И вскоре смиренный король отправился на гору Кармель и с огромным благочестием участвовал в утренних молитвах братьев. После совершения утренних молитв и смиренного созерцания этого святого места, король был глубоко растроган религиозностью братьев, которые носили наиболее исключительное название на свете (по крайней мере, относительно уже имевшихся утверждённых орденов): Братья Девы Марии».²⁷

Чудесное заступничество Марии в случае со св. Людовиком IX предание связывает с монастырём кармелитов. Ведь это колокол их святыни вдохновил короля и спутников его морского путешествия к призыванию Марии – Звезды Моря, благополучно приводящей корабли с их командами к желанным пристаням. В описании бросается в глаза многократное использование связанного с Марией названия Ордена: Братья Благословенной Девы Марии с Горы Кармель. Мария творит чудо, как Госпожа, Владелица кармелитских пустынноиков, подтверждая, тем самым, их право ношения столь возвышенного и благородного имени. Если это подтверждает сама Мать Сына Божия – через чудесное событие, – то разве может какой-либо человеческий авторитет восстать и воспротивиться этой привилегии?

О мучительной борьбе, связанной с признанием марианского титула, повествует также легенда о говорящей статуе Матери Божьей из аббатства в Честере. Она возникла в среде первых оснований монастырей в Англии. В Англии Орден встретился с наиболее сильными предубеждениями и оппозицией, поэтому это предание весьма красноречиво. Возникновению трудностей, впрочем, немало способствовали сами кармелиты, которые ошибочно – хотя и без злого умысла – сочли себя первым, официально утверждённым Орденом, посвящённым Марии, гордо вознося свои головы. Стоит отметить, что здесь легенда выходит на встречу историческому событию. Этим событием стало признание в 1374 г. известным во

²⁷ *Chronica*, глава VI.

всём мире Кембриджским Университетом права Ордена носить желанный титул: Братья Благословенной Девы Марии. Этому постановлению предшествовала горячая публичная полемика между доминиканцем Джоном Стоуксом и кармелитом Джоном де Хорнби. Согласно преданию, сама Мать Божья вмешалась в этот спор, а произошло это в городе Честер.

Предание повествует нам о процессии, организованной отцом Томасом, настоятелем аббатства св. Вербурги в Честере. Путь её проходил мимо славящейся многими благодатями фигуры Девы Марии. Фигура находилась в северной части пресвитерия аббатства над гробницей, в которой покоились останки праведного пустытника Годстальда. Когда во время процессии, в присутствии значительного количества верующих, мимо неё проходили кармелиты и задержались на мгновение, чтобы поклоном отдать честь Матери Сына Божия и Своей Покровительнице, рука статуи поднялась и указала на них. Послышался также и голос: «Вот – мои братья, мои возлюбленные и избранные братья».²⁸

К лучшему будущему

О довольно сокровенной, но, вместе с тем, ключевой роли Марии в решениях, касающихся относящихся будущего Ордена гласит легенда о явлении Богородицы во сне одному анонимному настоятелю пустынной обители на горе Кармель. Приходящее в упадок Королевство Крестоносцев в Святой Земле не могло уже далее обеспечить безопасность кармелитам. Их пустыня, многократно подвергавшаяся нападениям мусульман, стояла перед реальной и стремительно приближающейся угрозой падения. Что сделать в такой ситуации? Можно ли покинуть святую гору, колыбель Ордена? Не один раз община пустынников задавала себе эти вопросы.

Упомянутый уже ранее кармелитский летописец подробно описывает сопутствующую им напряжённую атмосферу: «Многие, более слабые члены Ордена испытали по причине этих частых набегов язычников немало сомнений и опасений... Итак, они хотели покинуть Святую Землю, а если было бы возможно, вернуться в свои родные края, чтобы там заложить новые монастыри и служить Богу и Его святой Матери, Деве Марии, безбоязненно и неустанно».²⁹

Любопытная легенда, рассказывающая о том, что Кармель будет существовать «до скончания века», связана с личностью св. Петра Томазия, кармелитского епископа и Патриарха Константинополя. Так же, как и все вышеупомянутые, она возникла в атмосфере неуверенности, характеризующей начальный период присутствия кармелитов в Европе после прибытия из Палестины. До самого конца XIV века юридическая ситуация Ордена не была ясной, вызывая беспокойство в сердцах и умах кармелитов.

Святой Пётр Томазий принадлежит к группе наиболее древних святых Кармеля и является одним из тех, которые отличались исключительной любовью и почитанием Покровительницы Ордена. Иоанн Хильдесхаймский, современник святого, рассказывает об одном эпизоде из его жизни. Он произошёл в то время, когда благочестивый монах был уже известным преподавателем и выдающимся в духовном образовании человеком. Ночью накануне торжества Сошествия Святого Духа из кельи кармелита начали доноситься таинственные голоса. Они разбудили двух собратьев, кельи которых примыкали к его келье. Однако они не осмеливались войти к нему и спросить, в чём дело. На следующий день Иоанн Хильдесхаймский спросил его, что случилось ночью. Сперва св. Пётр Томазий хранил молчание и не хотел говорить об этом. Но всё-таки уступил настаивавшим братьям и сказал им так: «Я отправился отдохнуть, немного подавленный духом, но также с горячим желанием получить от Благословенной Девы Марии благодать сохранения моего Ордена и обещания Её покровительства. Именно в эту ночь Она сказала мне: «Не бойся, Пётр, потому что наш кармелитский Орден будет существовать до скончания века. Первый покровитель Ордена, Илия, просил об этой благодати Моего Сына во время Его Преображения на горе Фавор и снискал её».³⁰

²⁸ R.M. Valabek, *Mary, Mother of Carmel*, Roma 1988, том I, стр. 54.

²⁹ *Chronica*, глава III.

³⁰ R.M. Valabek, *Mary, Mother of Carmel*, Roma 1988, том I, стр. 52.

Образы, написанные в Её славу

Интересную группу составляют легенды о чудесно завершённых иконах Марии, написанных кармелитами с целью Её публичного почитания. Одно из таких классических повествований представляет историю возникновения образа Матери Божьей Пясковой в Кармеле старой обсервации – соблюдения монашеского устава /т.е. переформированного/ в Кракове. В старинном предании читаем: «Один кармелит, набожный священник и, зная, незаурядный живописец, задался благой мыслью, видимо, по вдохновению свыше, написать образ Матери Божьей на наружной стене, над боковыми дверями храма. Когда упомянутый кармелит-художник принялся за дело, набросав очертания, как раз позвонили на молитву. Итак, он направил свои стопы в хор, оставив рисование. Тем временем, когда он отсутствовал, невидимая рука закончила творение иконы. На следующий день собралась куча народу, дивясь и восхищаясь Мадонной».³¹ Все подобные предания объединяет общая мысль, – каждый образ Марии возникает в Кармеле по Божьему вдохновению и является подтверждением Её избрания этого Ордена для дела распространения Её почитания

Духовное завещание

Стоит ещё вспомнить о духовном завещании (*exhortatio*) св. Брокарда³² – первого приора с горы Кармель. Последние слова кого-либо, столь значительного, не уходят бесследно, без отклика; являются посланием. Чувствуя приближающуюся смерть, он призвал собратьев и сказал им: «Сыновья! Бог в Своём милосердии призвал нас в Орден отшельников, а по Его особой благосклонности мы были названы Братьями Пресвятой Девы Марии. Будьте же бдительны, дабы после моей смерти не приняли это звание недостойно. Посему также пребывайте неустанно в благом, гнушайтесь богатством, с презрением отвергайте мирское, а жизнь свою сообразуйте по примеру Марии и Илии».³³

На первый взгляд этот короткий текст может показаться банальным и не говорящим ничего особенного поручением. Так уж повелось, что самые большие тайны выражаются в немногочисленных словах, в кратких суждениях. Смирение и истинная мудрость всегда могут их прочесть.

Завещание носит явно марианский отпечаток. Мы замечаем в нём два элемента, связанных с Личностью Матери Сына Божьего. Первый касается названия Ордена: «По Его особой благосклонности мы были названы Братьями Пресвятой Девы Марии. Будьте же бдительны, дабы после моей смерти не приняли это звание недостойно». Для мышления средних веков имя, название или титул не были только словами, служащими необходимости различения предметов и лиц. Равно как и в еврейской культуре, они отождествлялись с личностью или общиной общность, определяя их характер и открывая в какой-то степени их тайну. Св. Брокард (Брокардий) напоминает, тем самым, что название «Братья Пресвятой Девы Марии» обязывает к определённому образу жизни, является свидетельством или говорит всем окружающим, что в кармелитской общине Мария занимает Своё особое место. Название выражает образ жизни Ордена. Следовательно, оно могло бы потерять свой смысл, если бы не выражало внешне того, чем живёт внутри.

Второй марианский элемент *exhortatio* говорит о Матери Иисуса, как об основном образце для подражания: « (...) жизнь свою сообразуйте по примеру Марии и Илии». Жизнь Марии и Илии – это две формы, в которых должны запечатлеться все кармелитские призвания. Только когда это наступит, название Ордена будет в полноте отвечать тому, чем он является по своей сути.

³¹ R.Róg, *Karmelici. Duch, historia, kultura*, Kraków 1997, стр.16.

³² Святой Брокард (Брокардий) не является основателем Кармеля. Он был одним из первых отшельников в Вади'айн эс-Сиах. Кармелитский Устав обращается к «возлюбленным сыновьям: Б. и остальным пустынноикам». Инициал «Б» был по традиции отождествлён с Брокардом только во второй половине XIV века. Мы не знаем настоящего имени первого настоятеля пустынноиков Кармеля.

³³ *Breviarium Romanum OCD*, Romae 1959, *pars altera*, стр.950./

Глава четвёртая МАРИЯ КАРМЕЛИТСКИХ ЗНАМЕНИЙ

Жена на гербе

Средневековая Европа – это время рыцарских орденов. Именно с их историей, а также с феодальным характером общества связано возникновение гербов. Они быстро завоевали большую популярность среди народа того времени, в большинстве своём неграмотного. Они были своеобразным языком общения, который, обращаясь к знакам, понятиям и символам рыцарской и христианской культуры, представлял информацию на тему окружающего мира. Гербы орденов, носимые на щитах и плащах, говорили об их историческом происхождении, цели возникновения, духовности, личности основателя или же святого покровителя. Крестоносцы, например, избрали себе в качестве герба чёрный крест на белом фоне. Знак креста отличал рыцарей этого ордена в бою, говоря одновременно об их верности Христу. Белый фон символизировал невинность и чистоту. Стражи Гроба Господня, целью которых была забота о Святом Гробе в Иерусалиме и попечение о больных паломниках, имели на своём знамени иерусалимский крест с четырьмя крестиками по бокам. Они означали Раны Христа. Меченосцев, в свою очередь, отличал крест с расположенным ниже мечом. Меч означал постоянную готовность к защите христианской веры, а крест, как и в случае других орденов, был знаком христианского вероисповедания.

Первые кармелиты, обитавшие в пещерах взгорий Кармеля, не сразу обратились к традиции создания герба. Впрочем, он не был им нужен. Они не скитались по дорогам Европы, не вступали в битвы, не практиковали странствующего провозглашения Евангелия. Они были отшельниками, которые в качестве своего опознавательного знака выбрали святость жизни, проводимой в нищете, уединении, молчании и с совершенным презрением к почестям мира. Когда, после утраты христианами Святой Земли, они оказались в Европе, то с ностальгией вернулись к свидетельству подобного рода. «Ваши молитвы и святые занятия были на пользу для вас, для славы вашей святости. Как драгоценные благовония распространялись они вширь и вдаль, над городами и сёлами, неся чудесное утешение и облегчение тем, которых достигали, притягивая многих к уединению пустынножительства и отречения от злых деяний» – писал своим собратьям Николай Нарбоннский, генерал Ордена.³⁴

В Европе уже была иная ситуация. Недоставало одной лишь святости жизни, отмеченной печатью молчания. Нужно было отвечать на фундаментальные вопросы: кем являетесь и какова ваша духовность? Объяснений ожидали не только простые наблюдатели, но, прежде всего, те, которые связывали своё будущее с общиной кармелитским пустынников, жажда служить Христу и Его Пречистой Матери, как и они.

Прежде, чем появился герб, который выразил духовность и историю Кармеля, монахи пользовались текстом первой рубрики, закона (*rubrica prima*) самых древних Конституций. Она давала важнейшие объяснения. Читаем в ней: «Некоторые новые братья в Ордене не знают точно, как отвечать вопрошающим: когда и каким образом возник наш Орден или же почему мы называемся Орденом Братьев Благословенной Девы Марии с Горы Кармель. Стало быть, мы желаем в надлежащих словах повелеть им следующий способ ответствовать. Оглашаем, истинно свидетельствуя, что, зародившись с тех пор, когда пророки Илия и Елисей благочестиво обитали на Горе Кармель, святые Отцы, как Ветхого, так и Нового Завета, чьё созерцание вещей небесных побуждало к уединению на этой же горе, несомненно, проводили жизнь при источнике Илии, стойко и успешно пребывая в неустанном и святом раскаянии. Их преемники, во времена после Рождества Христова построили там церковь в честь Благословенной Девы Марии, Которую избрали себе Покровительницей и от Которой, благодаря апостольской привилегии, ведут своё название: Братья Благословенной Девы Марии с Горы Кармель».³⁵ Четыре главных элемента первой рубрики /закона/: личности Илии, Елисея и Марии, а также гору Кармель, заключил в графической форме герб Ордена, который впервые появился в 1499 году.³⁶

³⁴ *Ignea sagitta* [в:] «Carmelus», vol.9, № 2/1962, стр. 278-279.

³⁵ *Rubrica prima* [в:] A. Staring, *Medieval Carmelite Heritage*, стр.41.

³⁶ K. Healy, *Prophet of Fire*, Roma 1990, стр. 172-173.

Центральным элементом этого самого древнего герба является фигура Марии, расположенная в верхней части овального солнечного диска. Нижнюю часть занимают очертания горы Кармель. Мария сидит на троне, левой рукой держит Младенца Иисуса, а правую – возносит в жесте благословения. Под Её стопами находится луна, а на ней надпись полатыни: «*Luna sub pedibus eius*» – «Под ногами её луна...». Её голову венчает корона, окружённая двенадцатью звёздами. Мать Сына Божьего указана в Своей славе, взятая на небо и увенчанная, как владычица Вселенной. В правой руке Иисус держит державу /«яблоко»/ – символ царской власти над миром, а в левой острый меч – символ слова правды, вершащего суд над человеческими сердцами. Над солнечным кругом расположены два латинских изречения. Первое: «*Sum Mater et decor Carmeli* – Я Мать и краса /гордость/ Кармеля». Второе: «*Helias et Heliseus Prophetae, duces Carmelitarum* – Илия и Елисей, вожди кармелитов». В последующем времени фигуру Богородицы и изречение об Илие и Елисее заменили три звезды.

Образ Жены, расположенный в центре герба, всегда имел для Ордена особое значение. Хотя кармелитские пустычники и не выступали, чтобы сражаться мечом с врагами Церкви, однако они вели не менее обременительную и требующую стойкости духа внутреннюю борьбу. Она разворачивалась на поле сердца и так же, как реальная битва требовала хороших доспехов и подготовки, так и в этой было необходимо духовное оружие. Щит, один из главных составляющих вооружения, служил защите. Во время сражения воин укрывался за ним, чтобы избежать смертельных ударов врага. Он является знаком доверия и упования. Помещая изображение Марии на щите герба, кармелиты обращались к основе Её доверия, когда в смиренном ответе на слова Ангела: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову Твоему» (Лк 1,38), показала выражение непоколебимой надежды и упования, принимая из рук Бога загадочное для Себя и Своего Сына будущее. В духовной перспективе Орден видит в Марии побуждение к мужественному принятию отношения доверия и своей открытости завтрашнему дню, которое всегда уготовано для него Богом.

В начальном периоде существования Кармеля в Европе смелость принятия такой позиции была вопросом его выживания, сохранения. Переживая внутренние и внешние трудности, Орден укрылся, как за щитом, в руках Богородицы. Он инстинктивно искал прибежища у Той, Которой привык доверять с самого начала. Орден был уверен в Её действенном покровительстве и не ошибся.

Коричневый скапулярий

Знаком кармелитской духовности, связанной с Марией, является скапулярий – верхняя часть хабита /монашеской рясы/. Он надевается через голову. Одина полоса материала опускается на спину, другая на грудь. Латинское слово *scapulae* обозначает спину, плечи, лопатки. В традиции Кармеля скапулярий выражает посвящение себя Марии, значит, быть одетым в Её одеяние, чтобы, как и Она, отдаться служению ближним.

Скапулярий, символизирующий одеяние Марии, появился в трудное для кармелитов время. Первые шаги Ордена были далеки от желаемой ими стабильности. Мало известный в новой для себя европейской среде, с недоверием воспринимаемый иерархией Церкви и другими монашескими конгрегациями, Кармель встал перед неприступной пропастью. В таком положении благочестивый генерал Ордена, английский кармелит Симон Сток просит Марию, чтобы Она, одарив своей благодатью, сохранила Орден, посвящённый Ей. Он просит о полном официальном признании Ордена Церковью и определении для него места в её общине. Традиция добавляет, что св. Симон усиленно молился словами антифона «*Flos Carmeli*» – «Цвет Кармеля». В ответ Мария явилась ему в ночь с 15 на 16 июля 1251 г. в окружении ангелов и, указывая на его скапулярий, установила его знаком своей материнской опеки. Она сделала это, сказав: «Это будет привилегией для тебя и для всех кармелитов – кто в нём умрёт, тот не познает огня адского».³⁷

³⁷ A. Urbanski, *Dokumenty historyczne dotyczące Szkaplerza Karmelitańskiego*, „Głos Karmelu” № 7-8/1951, стр.168.

Скапулярий является знаком участия в сознательной и близкой, нежной любви к Пресвятой Деве. Иисус позволяет нам участвовать в Своих сыновних чувствах к Матери и выразил это, умирая на кресте, прося, чтобы мы приняли Её в обитель нашего сердца. И в это время начинается совершенно новый этап внутренней жизни. Во-первых, потому, что мы решаемся «принять Её к себе» /Мф 1, 20/, что является огромным желанием Иисуса и проявлением Его чрезвычайно нежной любви к каждому из нас. Во-вторых, Мария – Мать святости. Поскольку Она присутствует и участвует вместе с Иисусом в творении всех и отдельных милостей, то, тем самым, Она ведёт к возникновению и развитию духовной жизни.

Почитание скапулярия, как и всё почитание Марии в Церкви, ведёт к всё более глубоко единению со Христом. Невозможно думать о единстве с Марией, не имея в виду подражания Ей, а также думать о подражании Ей, не принимая во внимание соединения с Ней. Правильно понятое почитание скапулярия, как подражание Марии, позволяет открыть в душе пример Иисуса и Его учение, а стало быть, ведёт к христианской зрелости. В знаке скапулярия Мария учит нас открытости Богу и Его воле, постигаемой в событиях повседневной жизни; учит слушать Слово Божье, обращённое к нам в Библии; учит практической вере и неустанной молитве.

Скапулярий – это знак нашей заботы о благе всех людей. Он выражает подражание заботе Марии о родственнице Елизавете /Лк 1, 38-40/ и о новобрачных в Кане Галилейской /Ин 2, 3-5/. Облачённые в скапулярий становятся как бы глазами, руками и ногами Марии, благодаря которым Она может достичь всех нуждающихся. Помощь Марии не ограничивается только материнским чувством любви к нам, но всегда является конкретной и действенной.

Наконец, скапулярий – это знак участия в духовных благах Кармеля. Орден имеет и может предложить огромное духовное богатство. Уже во времена средневековья скапулярий стал частью душпапирской деятельности кармелитов, которые путём создания братств передавали верным некоторые элементы своего харизмата, такие, как: доверие материнской заботе Марии, литургическая и личная молитва, дела милосердия, вслушивание в Слово Божие и внутреннее обращение.

Скапулярий дождался и своего мученика. Им является заирец Изидор Баканья (ок. 1855-1909). Он родился в языческой семье в деревушке Мбандака, в бывшем Бельгийском Конго. Приняв крещение из рук траппистов и наученный ими истинам христианской веры, очень скоро своими поступками он проявил особую любовь и преданность Марии. Молился розарий и носил скапулярий. Два коричневых кусочка материи напоминали ему о новом достоинстве чада Божьего, а также таким способом он выражал принадлежность Марии. Своим положительным примером и ношением скапулярия он евангелизировал земляков, что безмерно раздражало директора каучуковой плантации ван Каутера, бельгийского атеиста, у которого он работал. Работодатель приказал ему снять скапулярий, а когда он не выполнил этого, подверг его бичеванию хлыстом с гвоздями на конце, говоря: «Никакой пользы нет от этих христианских «собак»; они угрожают власти белых. Если этот сопляк не изменится, то все мои подданные, слуги и рабочие, и все жители деревни не будут ничего делать, только молиться! И кто будет работать!». ³⁸ Брошенный в лесу, Изидор умер спустя шесть месяцев мучений и агонии, прощая своих мучителей и признаваясь: «Я умираю, потому что я – христианин».

Белый плащ

К марианской символике относится также белый плащ Кармеля, надеваемый во время литургических торжеств. Первоначально кармелиты носили епанчи – накидки /*carpeta*/ в белые и серые вертикальные полосы. ³⁹ Епанча имела своё значение в условиях Палестины. Однако, в Европе она оказалась эстетической проблемой, став причиной шуток и насмешек, отталкивая потенциальных кандидатов для кармелитской жизни. С технической точки зре-

³⁸ "L' Osservatore Romano", 24 IV 1994, стр.13.

³⁹ Полос было семь – четыре белые и три серые. Епанча /накидка/ имела форму прямоугольника 2 x 1,5 метра. Ширина полос, таким образом, составляла ок. 30 см. Она накидывалась на плечи и доходила в то время до бёдер. Некоторые картины представляют пустынников, облачённых в накидки с горизонтальными полосами. Это не является историческим представлением.

ния она была сложна в изготовлении, так как должна была быть полностью соткана. Она совсем не ассоциировалась с Марией, а ведь кармелиты с огромной решительностью добивались признания своего марианского названия. Так случалось, что их называли «полосатыми монахами», как, например, в Англии (*Striped Brothers*) или во Франции (*le Barres*). И лишь когда Генеральный Капитул в Монпелье (1287) решает о замене полосатой накидки на белую, а Папа Гонорий IV даёт на это разрешение, с того времени белый плащ начинает сочетаться с марианским характером кармелитской духовности и помогает принятию названия Ордена: Братья Матери Божьей с Горы Кармель.

В то время, когда Кармель принимает белый плащ в качестве своего официального признака, существует ещё небольшой нищенствующий монашеский орден Блаженной Марии Матери Христовой /*Fratres Ordinis Beate Mariae Matris Christi*/, братья которого также носят белый плащ. Когда этот орден был расформирован (1274 г.), кармелиты смогли уже беспрепятственно отождествлять себя с новым знаком своего посвящения Марии.

Белый цвет вызывает мысли о чистоте. Плащ Кармеля имеет в этом отношении двойное значение. Он говорит о монашеском посвящении, частью которого является обет чистоты, но также обращается и к тайне Марии, без греха зачатой. Однако, в обоих случаях, он вводит в Её тайну, показывая Её, с одной стороны, как образец девственного посвящения себя Богу, а с другой стороны – как тайну, которая заключается сама в себе, пред которой с почитанием и восхищением преклоняются чистые сердца ангелов и святых.

Взирающая с икон

Тесная многовековая дружба с Марией, разделяющая вместе радость и горе кармелитского возрастания, нашла выражение в богатом мире искусства живописи. Покровительница Ордена, хотя уже давно царствующая рядом с Сыном, всё так же присутствует в кармелитской общине в своих изображениях. При них совершается Евхаристия; там сходятся жизненные пути братьев и сестёр, приносятся монашеские обеты и проводится Литургия Часов с торжественным субботним *Salve Regina*.

Одним из самых древних кармелитских образов является икона Марии – Матери и Владычицы /Госпожи/ Кармеля (XIII век), ныне находящаяся в музее Макариоса I в Никосии на Кипре.⁴⁰ По преданию она была привезена кармелитами из Палестины. Она представляет Марию с Младенцем Иисусом, восседающей на троне. Правой рукой Богородица распростирает Свой защитный покров, под который собирается группа кармелитов в белых плащах, склонивших у Её стоп колени. Первые кармелитские монастыри на Кипре очень сильно подчёркивали марианские черты своей духовности, вынесенные из колыбели Ордена.

Покидая Палестину, кармелиты привезли в Европу множество характерных для себя обычаев. Одним из наиболее красноречивых была традиция писания икон Покровительницы Ордена на наружных стенах святынь, чаще всего над главным или боковым входом, чтобы проходящие по улице могли отдавать честь Матери Христа.

В поисках образцов для изображений Матери Божьей Скапулярия, представляемой в полурост, монахи-живописцы, а также художники Ренессанса и барокко, у которых кармелиты заказывали картины, обращались к известным иконам. Одной из них была чудотворная икона Матери Божьей Снежной из базилики *Santa Maria Maggiore* /Святой Марии Великой/ в Риме, называемая *Salus Populi Romani* /Спасение римского народа/. В кругу польского терезианского Кармеля её используют в качестве образца образы Матери Божьей Скапулярия в Черной и в Бердичёве. Другим источником вдохновения стала икона Кармелитской Мадонны из базилики в Неаполе, называемая *La Bruna* /Смуглая, Чёрная/. Название происходит от тёмного цвета лица, переходящего в коричневый цвет. Третьим образцом бы византийско-русский тип Богородицы с Младенцем, называемый *Умиление*.⁴¹

Наряду с изображениями, представляющими Марию в полурост, мы встречаем многочисленные образы Матери Божьей с Горы Кармель – в полный рост. Покровительница Ордена, с Младенцем Иисусом на руках, часто одета в светлое одеяние и ярко-синий плащ Непо-

⁴⁰ B.J. Wanat, *Sztuka w Karmelu*, Kuria Krakowskiej Prowincji Karmelitów Bosych, Kraków 1999, стр.15.

⁴¹ B. Moison, B. Szafraniec, *Maryja orędowniczka wiernych*, Warszawa 1987, стр. 100.

рочно Зачатой. Иногда на Её одежде изображают скапулярий. В эпоху барокко распространилось изображение Марии в кармелитском хабите. Её одеяние, однако, отличается во многих деталях от простого монашеского одеяния, поскольку привилегия Божественного материнства не позволяет представлять Матерь Иисуса как обыкновенную монахиню. Так, покров на голове не укрывает плотно овал лица. Как коричневый хабит, так и белый плащ имеют богатый узор, недопустимый в монашеском одеянии.⁴²

Особенным теплом дышат образы Матери Божьей Покровной, изображающие Царицу Кармеля с разведёнными в форме креста руками. Таким образом, Она распростирает Свой покров /плащ/, под который укрываются братья и сёстры Кармеля. Изображения такого типа, чаще всего расположенные в монашеских хорах, вводили в тайну присутствия Марии как Матери в кармелитских общинах. Духовное возрастание происходило под сенью Её покрова /плаща/, подтверждая, что всё, что Кармель направляет к Богу, проходит через Её Непорочное Сердце.

Популярнейшей темой, к которой обращались художники, была история получения от Матери Божьей скапулярия св. Симоном Стоком, генералом Ордена, а также мотив чистилища. Многие из их представляют Марию Заступницей душ в чистилище. Под Её фигурой изображается огонь, а в нём – облачённые в скапулярий люди, ожидающие милосердного ходатайства Небесной Матери. Хотя Церковь официально и не высказывалась о нисхождении Марии в чистилище, упоминания об этом факте мы можем обнаружить в повествованиях мистиков, как хотя бы у св. Фаустины Ковальской: «Я видела Матерь Божью, посетившую души в чистилище. Души называют Марию «Звездой Моря». Она им приносит прохладу».⁴³ Порой можно встретить иконы, на которых души, бывшие в чистилище, уносятся ангелами из места мучений.

Излюбленным источником вдохновения является также эпизод из жизни библейского пророка Илии, которого Орден почитает как своего духовного отца. Стоя на коленях, на взгорьях Кармеля, пророк молится о дожде для земли, омертвелой от долгой засухи. И в этот момент он видит поднимающееся над морем облачко. Оно разрастается в тучу и вскоре приносит живительный дождь.

Тучка Илии сделала «небывалую карьеру» в Кармеле первых веков. Она была способом говорить о Непорочном Зачатии Марии и тайнах духовной жизни. На иконах она часто приобретает образ женщины. «Когда слуга Илии увидел маленькое облачко, поднимающееся над морем, – писал один неизвестный кармелит, – Бог объявил Илии, что одно дитя, благословенная Мария, Которую символизирует облачко, родится из грешной человеческой природы, сокрытой в символе моря. Это дитя от своего зачатия будет свободно от всякого греха и порока, так же, как и облачко, возникающее, правда, из мутного моря, но всё же свободно от всякой грязи. И хотя изначально оно – той же самой природы, что и море, но само по себе, однако, имеет иные черты и свойства: вода тяжёлая и мутная. Облако же – это совершенно чистый пар. Так же и каждое человеческое существование. Человеческая природа от зачатия – словно море, она так обременена первородным грехом и поработана несовершенством, что следует признать: «Ибо беззакония мои превысили голову мою, как тяжёлое бремя отяготели на мне» /Пс 38, 5/. Благословенная Мария в Своём зачатии отличалась от этого моря. В Её зачатии над Ней не тяготел никакой порок или грех, но благодаря тому, что была сохранена от греха, Она была лёгкой, как облако, и чистой через полноту благодати. Она была облаком, о котором писал Моисей: «И вот, слава Господня явилась в облаке» /Исх 16,10 /».⁴⁴

Наследие антифона «Flos Carmeli» /«Цвет Кармеля»/

Произнося прекрасную старинную молитву "*Sub tuum praesidium*" – «Под Твою защиту», мы не всегда осознаём, что из наших уст и сердца исходит одна из самых древних молитв к Божьей Матери. Она возникла в Египте, в III веке христианства. Мария в ней именуется титулом «Богородица» – «*Theotokos*», прежде, чем Эфесский Собор /431 г./ сформули-

⁴² Там же, стр. 105.

⁴³ *Dzienniczek. Miłosierdzie Boże w duszy mojej*, Warszawa 1993, стр.27.

⁴⁴ *The Book of the First Monks*, книга VI, глава 1.

ровал догмат о Божественном материнстве. Если внимательнее вслушаться в отдельные слова этого антифона и осмыслить их, то окажется, что мы стоим перед входом в огромную, неиссякаемую сокровищницу, изобилующую богатыми залежами драгоценных ископаемых нашей веры. Так бывает со многими признанными и почитаемыми молитвами.

Следуя марианскому направлению Церкви, кармелиты подобным образом развивали и культивировали традиции молитвенных антифонов. Некоторые из них они приспособили к своим нуждам, адаптировали, другие сочинили сами. Однако из всей богатой коллекции в кармелитские сердца особенно запал один «*Flos Carmeli*»: /Цвет Кармеля, /Плодоносная лоза, /Краса небес, /Мать-Дева, /О, Избраннейшая! /Мать кроткая, /Чистая и верная, /К детям Кармеля будь милосердна, /О, Звезда Моря.

или: Цвет Кармеля, /Ветвь плодоносная, /Неба отблеск, /О, Венценосная, /Дева-Мать, /Мать-Кротость, /мужа не знавшая, /кармелитам милостью ставшая, /Звезда над морем.

И если мы спросим о причине такого предпочтения, то ответ очевиден. «*Flos Carmeli*» описывает исторический опыт Ордена, который доверил свою судьбу Марии и не ошибся. Этот антифон, – словно семейный альбом со старыми фотографиями, к которому мы возвращаемся со слезами на глазах и с ностальгией в сердце, так как он напоминает о временах неуверенности и страданий, но также и о временах радости и торжества. Содержание антифона – это своеобразное признание Кармеля в сыновней любви к Той, Которая никогда его не оставила.

Мы не знаем точно, когда и кто сочинил его. Легендарная традиция гласит, что им молился св. Симон Сток, генерал Ордена (XIII век), получивший от Марии привилегию скапулярия. В действительности он появился на рубеже XIV и XV веков, как следствие молитвенного размышления над событиями первых веков кармелитской истории, он описывает испытания палестинских начал Кармеля и тяготы его борьбы за выживание в новой, европейской среде.

«Цвет Кармеля» и «Плодоносная лоза» вызывают в воображении колыбель Ордена – плодородные виноградники и разнообразную растительность и чарующие своей нежной красотой склоны горы Кармель. Пустынники отнесли всё это великолепие к Марии, описывая им мистическую тайну Её души. Прекрасные, разноцветные цветы холмов говорили о бесчисленных благодатях, которые Творец излил на Неё. Плодородие виноградников представляло тайну Её непорочного лона, принесшего плод совершенный – Иисуса Христа.

Следующие воззвания – «Краса небес», «Мать-Дева», «Избраннейшая», «Мать кроткая», «Чистая и верная» – описывают всё то, что Церковь, а вместе с ней и кармелиты, почитают и чем восхищаются в Матери Христа. Орден прославляет в них Бога за привилегию Непорочного Зачатия Марии, Который сохранил Её от первородного греха; восхваляет Её девственную чистоту, которую Она сохранила до, во время и после рождения Христа; восхищается Её исключительной нежностью, чуткостью и добротой, которыми Она окружает прибегающих к Ней странников этой земли; взирает, наконец, на Её славу, украшающую небеса, в которой жаждет иметь своё участие.

Просьба «К детям Кармеля будь милосердна» скрывает в себе историю печальной борьбы Кармеля за обретение своего собственного места в общине Церкви и за признание его Устава, о чём Орден просил Мать милосердия в первых веках своего существования. Эта просьба также связана с традицией кармелитского скапулярия, который, как дар Марии, вырастает из доверчивой мольбы о сохранении Ордена от опасностей. По этой причине самая старинная версия антифона содержит воззвание «Детям Кармеля дай привилегии».

Наконец, воззвание «Звезда Моря» дышит надеждой и оптимизмом. Звезда моря – это звезда мореплавателей. Когда виден её свет, они спокойны и уверены в том, что достигнут цели своего путешествия. Корабль Кармеля, плывущий сквозь века и поколения, с надеждой взирает на свет Марии, будучи уверен, что, направляясь к нему, он благополучно прибудет в порт вечности. Покидая Палестину, первые кармелиты часто садились на настоящие суда, плывущие в Европу. Не зная, что их там ожидает, они устремляли свой взор к утренней Звезде, спокойно плывя по морю надежды.

Глава пятая МАРИЯ И МОНАШЕСКИЙ УСТАВ

Настоятельница Кармеля

Каждому, кто держал в руках кармелитский Устав, речь о его марианском характере может показаться, по меньшей мере, странной. Его текст ни разу не упоминает имени Марии. Устав даже не содержит ни малейшего намёка на Её личность, он – христоцентричен. Он ставит в центре Иисуса и предписывает верность в подражании Ему. Однако умы некоторых писателей Ордена не колебались называть его Уставом Пресвятой Девы с Горы Кармель⁴⁵ и сравнивать Её жизнь с жизнью кармелитов. «Наш Устав, – читаем в одном комментарии XVII века, – даёт нам, как пример для подражания не только житие нашего святого отца Илии, но также житие нашей дражайшей матери Марии. Стало быть, наш святой Орден справедливо носит название илиино-марианский. А значит, совершенно очевидно, каким дорогим и ценным должен быть для нас наш Устав, поскольку он сложен с большим тщанием о цели нашего призвания и коль скоро он подробно показывает нам житие нашего Отца и нашей Матери. Мы не должны жаждать чего-либо, кроме того, чтобы, верно соблюдая Устав, подтвердить, что мы истинно – духа Илии и Марии».⁴⁶ Это – эхо гораздо более ранних осмыслений, раздумий, которые помогли кармелитам «открыть» то, что они названы в Апостольских Буллах Братьями Марии, ибо их Устав во многих местах поручал им обращать внимание на пример жизни Благословенной Девы.

Кармелитский Устав, хотя и направленный на личность Христа, обладает марианским духом, который нетрудно увидеть глазами веры. Это было очевидным для кармелитов, которые, будучи отшельниками, а позднее – нищенствующими братьями, прибегали к примеру Её жизни, чтобы учиться от Нее, как ещё лучше реализовать своё призвание. Их размышление над марианским характером Устава пошло, однако, ещё дальше, чем мы могли бы ожидать. Они сочли, что его текст не только представляет обращение к примеру Марии, образцу отшельнической жизни в тишине и уединении Назарета, но также «подробно показывает Её жизнь». Для общины Ордена Она является первой кармелиткой. Ранее мы упоминали, что поколения рубежа XIII и XIV веков назвали Её Родительницей кармелитской конгрегации и её духовности, а позднее – также Приориссой, то есть Настоятельницей. Они видели, что хотя Она и обитала в Назарете много столетий до них, однако вела такой образ жизни, который ставит себе в пример весь Орден.

Особенно красноречивым и побуждающим к размышлению является титул приориссы /настоятельницы/, использованный по отношению к Марии. Приор /настоятель/ в Уставе Кармеля – это олицетворение служения общине, следующей по стопам Спасителя. Он первый, кто должен соблюдать верность кармелитской форме жизни (*formula vitae*). Одновременно он является образом Христа. И так же, как Иисус являет Собой источник вдохновения и силы в духовном плане, так и приор должен быть видимым источником вдохновения и ободрения для братьев. Таким образом, приорат /должность настоятеля/ в Кармеле является делом братства, авторитета и личного примера. Мария как Приорисса воплощает Своей жизнью призвание Ордена и становится, тем самым, неопровержимым авторитетом для всех его поколений. В духовном смысле Она представляет Собой первоначальную и всегда актуальную форму созерцательно-апостольского призвания Кармеля.

В марианском ключе

Итак, каким способом Кармель воспринимал жизнь своей Настоятельницы? Комментируя Устав соответственно с мышлением своего времени, доктор наук Оксфорда и Парижа Джон Бэконторп (XIV век) перечисляет следующие сходства между жизнью Марии и требованиями Устава.⁴⁷

⁴⁵ Sw. Teresa od Jezusa, *Księga życia* 36,26 [в:] *Dziela*, tłum. H.P. Kossowski, tom I, Krakow 1997. Св. Тереза Иисуса, *Книга жизни* 36, 26.

⁴⁶ Михаил св. Августина, *The Carmelite Rule* [в:] "The Sword", № 3(1948), стр. 210.

⁴⁷ Там же, стр.207-210.

Ссылаясь на монашеские обеты, на первом месте он видит в Матери Христа совершенное послушание, которое проявляется в ответе архангелу во время Благовещения: «Се, Раба Господня, да будет мне по слову Твоему» /Лк 1, 38/. В этом отношении Устав постановляет, что каждый из братьев должен обещать приору послушание, которое он соблюдет во всей истине в своём поведении. Мария отрекается от Своей собственности и живёт духом иерусалимской общины: «Уверовавшие пребывали вместе, и всё у них было общее» /Деян 2, 44/; «Ни один из них не называл своим того, чем обладал» /Деян 4,32/. Этот дух ведёт путём совершенства, поэтому и в Уставе мы читаем, что ни один из братьев не может говорить, что хоть что-то является его собственностью. Мария верно сохраняла чистоту, на что указывает пророчество Исаии: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына» /7,14/. Следовательно, и Устав говорит, чтобы кармелиты препоясали свои чресла чистотою.

Обращаясь к отшельническим зачаткам Кармеля, Бэконторп утверждает, что Мария часто посещала места, связанные с миссией Своего Сына, Его крещением и сорокадневным постом. Это были пустыни, безлюдные места, подходящие для ведения пустынножительства. Она также пребывала в населённых местах, таких, как Назарет и Вифлеем. Поскольку как пустынные, так и заселённые места были Её одинаково дороги, Устав постановил, что кармелиты могут поселяться и в пустынных местах, и близ скоплений людей. Когда архангел Гавриил явился возвестить Марии, что Она зачнёт Сына Божьего, он застал Её молящейся в своей горнице. Поэтому Устав постановил, что, исходя из расположения места, в котором кармелиты решают поселиться, каждый из братьев должен иметь отдельную келью, дающую возможность интимного разговора с Богом. Мария жила в общине, ела и пила вместе с другими. Отсюда распоряжение Устава, чтобы братья в общей трапезной вкушали то, что будет им уделено Провидением.

Книга *De Floribus Sanctorum*, – развивает свои размышления Бэконторп, – представляет, что когда родители привели Марию в храм на служение, Она не осталась там одна, а жила с другими девочками. В соответствии с этим, Устав решил, чтобы среди келий была построена часовня, где ежедневно утром все братья будут собираться на молитву. Автор комментария также замечает, что в жизни Марии присутствуют две особенные личности: св. Иосиф – мирянин и св. Апостол Иоанн – «великий свет священнического чина». Каждый из них посвятил себя Ей в соответственном себе положении. Поэтому Бэконторп относит этот факт и к своему ордену, который составляют как братья-лаики, так и священники.

Вспоминая письмо св. Иеронима к Илиодору, историк пишет, что Мария соблюдала следующий распорядок дня. С раннего утра и до самой терции /третьего часа Литургии Часов – ок. 9 час./ Она молилась. От терции до ноны /девятого часа – ок. 15 час./ посвящала себя ткачеству. Потом снова молилась, от ноны и до того часа, когда ангел приносил Ей пропитание. И по причине Её постоянства в молитве Устав постановил, что все братья должны пребывать каждый отдельно в своей келье либо близ неё, предаваясь денно и ночью размышлениям над Законом Божиим. Мария постилась до самой ноны, поэтому и Устав определяет время кармелитского поста – от праздника Воздвижения Креста Господня и вплоть до Воскресения Господня.

Мария предавалась регулярной работе. Таким образом, Устав гласит о стяжании братьями духа неустанной работы, чтобы дьявол всегда заставлял их при каком-нибудь занятии и не имел доступа к их душам по причине праздности, нерадения. Принимая пищу от ангела, Мария учит кармелитов, чтобы они вкушали простую пищу, соответствующую для ведения духовной жизни.

Мария сохраняла совершенное молчание. В Евангелии мы слышим Её очень редко. Отсюда следуют два предписания Устава: одно – общее, чтобы выполняемой работе сопутствовала атмосфера молчания, а второе – конкретное, чтобы соблюдать строгое молчание от комплетория /молитвы повечерия, заключительной молитвы дня/ до примы /первого часа Литургии Часов – ок. 7 час./ следующего дня. Мария любила простоту, потому что отправилась в Вифлеем на ослике. В этом отношении Устав определил, что кармелитам можно иметь общих ослов и мулов.

Взирая на жизнь Матери Иисуса, Бэконторп видит Её великую веру, непоколебимую надежду и любовь. Когда другие отчаялись и сбежали, Она осталась со Своим Сыном в час Его страданий и смерти. Устав тоже говорит о совершенствовании в этих трёх добродетелях. Чтобы любить Господа Бога всем сердцем, а ближнего своего, как самого себя, кармелит

должен облечься в духовную броню праведности. В каждой ситуации он должен брать веру, как щит, и с надеждой ожидать спасения от Христа.

Наш комментатор восхищается смирением Марии. Прежде всего, пред Богом, о чём Она сама свидетельствует словами: «Ибо призрел Он на смирение Рабы Своей» /Лк 1, 48/. Поэтому Устав повелевает, чтобы братья оказывали уважение своему приору. Восхищается он также Её смирением в служении в отношении к матери св. Иоанна Крестителя, Елизавете. Устав, в свою очередь, говорит о роли служения приоров, ссылаясь на слова Святого Писания: «Кто между вами хочет быть первым, да будет вам рабом» /Мф 20, 26/. Мария предвосхитила проповедников, когда произнесла прекрасную проповедь – *Magnificat*. Поэтому Устав утверждает, что меч духовный, то есть Слово Божие, должно обильно пребывать в устах и сердцах кармелитов. Помимо вышеперечисленных добродетелей, – пишет Бэконторп, – Мария преуспевала и во многих других, значит, и кармелит обязан совершать «более сего», чтобы не довольствоваться лишь необходимым минимумом.

Глава шестая **МАРИЯ АРНОЛЬДА БОСТИУСА**

Наследие трёх веков марианской мысли

«О, Счастливейшая из матерей, Ты основала, укрепила наш Орден и прекрасно заботишься о нём. Все мы, падая ниц пред Тобой, благодарим за то, что Ты всегда почиталась первой Родительницей нашей кармелитской общины. Все мы, радующиеся тому, что обитаем на этой горе, утоляем жажду у Твоих источников. Следуя Твоему примеру, поддерживаемые Твоим советом, освещённые Твоим светом, мы искренне веруем, что Ты преобразила нас в Себе. Так останься же с нами, Мария, Владычица наша. Мы ищем прибежища в Твоём Сердце. Верно и свойственно для Матери оставаться со своими детьми, Учительнице – со своими учениками, Приориссе /Настоятельница/ – со своими подданными, Госпоже – со своими слугами. Твоё смирение ведёт к благодати, благодать – к славе, Твоя слава – к достоинству, Твоё достоинство – к совершенному счастью».⁴⁸

Этому прекрасному молитвенному размышлению Кармель обязан фламандцу Арнольду Бостиусу /Бостию/ (1445-1499), автору первого синтеза марианской идеи Ордена. По просьбе своего друга детства, приора монастыря в Генте, он пишет – как заместитель приора того же монастыря – самое большое произведение своей жизни, воспевающее историю защиты и покровительства Марии над посвящённым Ей Орденом. (*De Patronatu et patrocinio B.V.M. in dicatum sibi Carmeli ordinem*). Оно не является строго историческим трудом. Бостиус интерпретирует в нём, в типично кармелитском ключе, доступный ему исторический материал и легенды. Впрочем, автор не столь сильно заинтересован историей как таковой, сколько историей кармелитского почитания Богородицы, определяя его богословские и доктринальные принципы. Это произведение, написанное для побуждения благочестивых сердец, характеризует прекрасный, богатый метафорами и сравнениями язык, проявляющий живое воображение автора и его личное, глубокое почитание Матери Христа.

De Patronatu сосредотачивается на тематике жертвования себя Богу через руки Марии. Это жертвование охватывает весь Орден и становится конкретным в марианской жизни каждого сына и каждой дочери Кармеля, в соответствии с популярной доктриной: "*Jesus in corde, Maria in mente*" – «Иисус в сердце, Мария в мыслях». Автор также защищает привилегию Непорочного Зачатия Марии, не имеющего ещё догматического определения в то время, приводя различные причины, по которым Она была зачата без греха. В частности, пишет: «Никаким образом не приличествует, дабы Она была запятнана каким-либо несовершенством, будучи подверженной даже малейшему повреждению, осуждению, запятнанности или неугодной Богу в каком-либо отношении. На самом деле это через Неё другие удостоиваются спасения; через Неё повреждённые, обременённые грехом скитальцы, вновь обретают сияние, находят друг друга и достигают очищения».⁴⁹ В многочисленной коррес-

⁴⁸ Арнольд Бостиус, *De Patronatu*, 1531.

⁴⁹ Там же, 1697.

понденции автор побуждает своих друзей к защите этой привилегии. Также он посвятил Непорочно Зачатой отдельный трактат, направленный против доминиканца Винченцо Банделли. К сожалению, он не сохранился до нашего времени. Наконец, Бостиус обращает внимание на преимущества скапулярия, связывая их с ношением монашеского хабита. О почитании скапулярия он пишет, что скапулярий – это мощная защита благодати Марии, крепость, скрывающая Её оружие, сокровище чистых душ и святыня небесной Императрицы.

Материнский дар любви и избрания

Представляя марианский путь Кармеля, Бостиус видит его начало в материнской заботе Владычицы с горы Кармель, которую Орден испытал в своей истории. Её старания сосредоточены, прежде всего, на духовной действительности, внутреннем пространстве Ордена, что автор *De Patronatu* хочет приблизить к нам, сравнивая его с землёй, которой управляет Мария, и поэтому дающей плоды. «Мария всегда принимала обитателей Кармеля, любя их более, нежели других (...). Никогда ни случилось, дабы Она, глава Которой подобна горе Кармель и Которая сама есть краса Кармеля, не любила Орден, не правила им и не творила его особенно плодovitым».⁵⁰ Как будто не доверяя самому себе, он задаёт вопросы, которые должны подтвердить эту любовь. «Как Она могла бы не услышать Своих сыновей и братьев Кармеля, которые вверены Её защите, избранные и возлюбленные ветви Своего цветущего виноградника? Как же не пришла бы к ним на помощь и не опекала бы их с материнской заботой? Как же не оберегала бы их Своей верной бдительностью и чуткостью Та, Которая есть источник благочестия, океан благодарности, река доброты и благодати, царица милосердия?».⁵¹

Так ревностная забота Покровительницы Ордена добивается ответа с его стороны. И чем больше Кармель осознаёт исключительность Её любви, тем более полным становится его ответ. «Се, Матерь твоя, достопочтенное собрание Кармеля! – пишет с пафосом Бостиус. – Хотя по многим причинам Она – Матерь для всех, но совершенно особым образом Она – твоя Матерь. Произношу слова, заслуживающие веры. Ибо если Она – твоя Матерь, то Иисус – твой Брат, Его Отец – твой Отец, а Его Царство – твоё наследство. Се, Матерь твоя, Её кротость – твоё сокровище. Матери, прежде всего, обогащают своих детей. Се, Матерь твоя, к сердцу которой возносится каждая нужда, ибо Её глубокая любовь склоняется к каждому брату и сыну. Так люби же и почитай Её, ведь Она повсюду с тобой. С сего времени прими Её, как свою мать, дабы когда-нибудь Она взяла тебя в Свою славу».⁵²

Вспоминая во многих местах об «исключительных» связях с Марией, о Её «особенной» любви к Кармелю, Бостиус не поддаётся искушению обособить марианскую духовность, как эксклюзивную, избранную духовность своей монашеской семьи. Как опытный богослов своего времени, он осознаёт всеобъемлющий дар материнской любви Марии. Дар этот истекает из свободного выбора Бога, Который предназначил Её быть Матерью Его Сына, одарил полнотой благодати и отдал Её Сердце всему человечеству. Итак, Бостиус выясняет, что те чувства, которые Кармель питает к своей Покровительнице, никогда не могут стать для него причиной нездоровой гордости и высокомерия. «Тот образ, которым досточтимая Мария является особенной Матерью сыновей Кармеля, не делает Её недоступной для других. Всегда могущественная и благосклонная, щедрая к призывающим Её, Она становится также самой нежной Матерью всем христианам. Открыв Своё милосердное Сердце для каждого, стала всем для всех, дабы все имели удел в богатстве Её полноты. Превознесённая Царица Неба, Дева Мария – всеобщая Матерь всех христиан, единые врата спасения и прибежища для всех людей».⁵³

Всеобъемлющее материнство Марии, охватывающее всё испущенное Христом человечество, не является чем-то неопределённым. Это источник достоинства, конкретная и богатая действительность, открывающая своё лицо в пережитых событиях различных групп и в жизни отдельных людей. Хоть Мария любит всех, но каждый раз вся сила Её сердца вмести-

⁵⁰ Там же, 1528.

⁵¹ Там же, 1578.

⁵² Там же, 1584.

⁵³ Там же, 1578.

вается неповторимым образом в индивидуальную историю человеческого существования. «Она – струящийся поток Божьего милосердия, хранящий в себе нашу жизнь (...), собирает в Своём великодушном Сердце, – как пишет Бостиус, – не только братьев и сыновей Кармеля, но каждого, кто Её любит, прежде всего, однако, тех, которые с честью приняли святую кровь Господа нашего Иисуса Христа, Её первородного Сына (...). Так, кажется, что Она принимает каждого человека с таким верным материнским отношением, как будто бы он один существовал на свете. Она служит каждому таким образом, что не забывает о других, заботится обо всех, не забывая об отдельных людях».⁵⁴

Источник исключительной любви, которой Мария окружает наш Орден, Бостиус видит в многовековой традиции обращения к Ней, как к основательнице и покровительнице. Мария «родила» Кармель, предоставив ему права. Этими правами являются обязанности распространения Её почитания, жизни по Её примеру и отдаче Ей себя на исключительное служение – это цель, а вместе с тем и смысл существования Ордена. Кармель является Её вечным должником за получение от Божьего Провидения этого почётного задания. Итак, автор *De Patronatu* пишет, что Мария – это Устав Кармеля, «Та, Которая несёт закон Илии. Она – законодательница всего сообщества Кармеля и справедливо зовётся его основательницей. И так, как ветви принадлежат стволу, члены – телу, лучи – солнцу, струя – источнику, таким же образом обитатели Кармеля признают себя должниками светлейшей Девы Марии, в истине, с благодарением, почтением и вниманием. И если мы большие должники наших родителей по плоти, творцов нашего счастья, разве не многим больше мы обязаны сей Матери и виновнице нашего спасения?».⁵⁵

Искренняя преданность сыновей и дочерей

Стало быть, как должен Кармель отнестись к столь непостижимому дару любви, избрания и покровительства с Её стороны? У Бостиуса только один ответ – посвятить себя служению Ей. Это значит – взяться за работу на поле чистосердечной любви, верного подражания и добровольной зависимости.

В первую очередь искренняя любовь. Бостиус разъясняет кармелитской общине, что её марианское наследие и миссия являются великим даром. Это не Орден оказывает милость Марии, служа Ей. Это Она, одаряя его Своей предупреждающей любовью, вносит в его жизнь веяние свежести и счастья. Смирненное принятие этой истины рождает доверие, которое ведёт к тесной связи, к дружеским отношениям. «Любить Её – высочайшая добродетель, быть любимым Ею – величайшее счастье (...). Призывай же Её с настойчивостью, приблизься к престолу Её благодати с упованием. Неустанно приветствуй Её, ибо Она достойна всякого почтения. Она желает быть твоей помощью более, нежели ты сам того желаешь. Разве Она не платит любовью тем, которые Её любят, и даже тогда, когда Её не любят, Она любит ещё горячее. Своею любовью Она вызывает у людей любовь к Себе».⁵⁶

Такое отношение к Марии делает возможным для Ней реализовать миссию посредницы. Она всегда хочет помочь, даёт благодать, но эффективность её зависит от сотрудничества и открытости человека. «Если что-то вознамерился пожертвовать Богу, – разъясняет Бостиус, – не медли, но тотчас вручи это в Её руки; Она великодушно заступится за своего возлюбленного брата. Покажи Ей свои раны и свою боль, а Она, с мыслью о тебе, покажет своему Сыну и твоему Судии, своё чрево и грудь. Она вверит тебя Ему вместе со своими заслугами, делая это присущим себе образом. Так же и Иисус покажет Отцу, с мыслью о тебе, Свои рёбра и Свои раны. Ни в чём тебе не будет отказано, если такие знамения любви вызывают от твоего имени».⁵⁷

Любовь Кармеля, если она искренна, также требует внимания и конкретных действий, венчающих благие намерения. Она также требует соответствующей атмосферы, которая из чужих друг другу людей создаёт общину-семью. «Реши для себя быть Её добрым братом. Никогда не забывай о доброте и любви, которые изливаются из Её сердца, всегда те

⁵⁴ Там же, 1627.

⁵⁵ Там же, 1549.

⁵⁶ Там же, 1536.

⁵⁷ Там же, 1537.

же, неизменно сильные. Посмотри, какие огромные объятия взаимной любви понадобятся тебе, дабы обнять Её, если захочешь ответить любовью на Её любовь. Прекраснейшая в любом отношении, с преизобильной добротой, с неопишуемой красотой и обаянием, Она стала чудом красоты, приковывающим к себе взоры всех, потому что искуснейший на свете Художник использовал для Неё все Свои краски».⁵⁸

Любовь к Марии принимает реальное состояние во всецелой зависимости от Неё и подражании Ей; не каким-то общим, но вполне конкретным, берущим за образец Её личность. Мария, а наряду с Ней Илия, – это для Бостиуса две формы кармелитского призвания. «Сыновья и братья святых – это не те, которые занимают их место, и не те, что связаны с ними узами крови; это те, которые благие намерения претворяют в действие (...). А стало быть, ты, являющийся сыном Святой Девы Марии, ты, являющийся потомком Илии, не умаляй их славы и не навреди их доброму имени, их чести. Каждый час размышляй над словами твоего святого Отца, которые выражают образ его действия: «Жив Господь, пред Которым я стою». А когда почувствуешь, что ум твой рассеялся, стал небрежным, погрузился в скверные мысли, призови его к порядку этим воспоминанием. (...). Не приступай к столь превосходной Матери и Сестре в распушенном состоянии. Пусть твоё благородное поведение покажет твоё смирение. Пред исключительным достоинством Марии, Царицы нашей, стыдись творить дела, недостойные столь великой Сестры. Напротив. Подобием поведения дай Ей конкретный знак своего единства с Нею. И хотя правда есть то, что никто не сравнится и не сравнится с Нею в добродетели, все мы стараемся идти по Её стопам».⁵⁹

Зависимость и подражание не имеют смысла без сознания постоянного присутствия Марии. Итак, Бостиус побуждает к тому, чтобы память об этом сопутствовала сыновьям и дочерям Кармеля днём и ночью; во время прогулок, работы и разговоров; среди радости, печали и отдыха. Мария всегда должна занимать первое место в «преддверии их памяти».

“Ave Maria” – послание Пресвятой Троицы

Полные очарования, захватывающие высказывания Бостиуса о Матери Иисуса сопровождалась его глубоким уважением к литургии. Он живо заинтересовался почитанием Богородицы в Ордене Кармеля своего времени, выражением чего являются размышления на тему молитвы *Ave Maria* /*Радуйся, Мария*/. Он называет её посланием Бога к Марии. «Повторяй Ей послание Благословенной Троицы. Возьми с небесного стола, полного таинственных приветствий, самые приятные пожелания сей благородной Марии и Сыну Её, милостивейшее пение Архангела Гавриила, как говорит Её верный свидетель Бернард: сколько раз ты поприветствуешь Её сим благожелательным и милым *Ave*, столько раз обнимешь и поцелуешь Мать, любви исполненную, даже если не коснёшься Её руками. Наша Госпожа никогда не приходит с пустыми руками. Когда же ты соделаешь сие, Она наполнит тебя милостями, и ты увидишь, что стал богаче, благодаря Её ответному приветствию».⁶⁰

Чтение молитвы *Ave Maria* с почтением и осознанием сокрытой в ней тайны доставляет Марии радость. Ангельское приветствие не пропадает где-то в потустороннем мире, но отдаётся эхом в Её Сердце, принося произносящему его человеку благословение. Благодарность Марии за воспоминание этого особенного момента Её жизни – несказанна, она выражается в ответном даре укрепления человека на всех его жизненных путях, а особенно в ключевых периодах духовной борьбы. Именно это и есть тайна розария.

⁵⁸ Там же, 1534.

⁵⁹ Там же, 1535-1536.

⁶⁰ Там же, 1536.

Глава седьмая **МАРИЯ ВО ФЛАМАНДСКОЙ МИСТИКЕ**

Мария в мистическом переживании

Духовное странствие Кармеля к Матери Христа достигает своего апогея в сфере мистики. Мистическое соединение с Марией является малоизученным опытом, и до сих пор о нём написано немного. Знаток этой темы, кардинал Л. Й. Суэненс, объясняет, что оно сосредоточено на переживании имеющего особый характер внутреннего присутствия Марии в душе, на сознании личности, преданной Марии, того, что она участвует в едином потоке Божественной любви, в котором она любит Христа сердцем Марии, а Марию – сердцем Христа. В этих мистических переживаниях Мария овладевает, по-своему, активностью души, благодаря чему она постепенно начинает становиться подобной Марии – в мышлении, действии и любви, делая это для Неё и в Ней. Душа испытывает на себе почти непрестанное действие Марии.⁶¹

Вышеупомянутое описание разъясняет нам несколько главных черт мистического соединения с Марией. Это не простое почитание Марии или обычная дружба с Матерью Божьей, доступные каждому. Соединение имеет мистический характер, то есть, основано на особом действии Святого Духа, является Его даром. Кроме того, оно не существует вне сферы действия Бога в душе, так как всегда имеет целью более глубокое соединение души с Пресвятой Троицей.

Ценные свидетельства на тему мистических отношений с Марией исходят, в частности, из сферы кармелитской духовности, от Балдуина Леерсиуса / † 1483/, св. Терезы Иисуса /1515-1582/, Серафины Бога /1621-1699/, Марии св. Петра /1816-1848/, св. Терезы Младенца Иисуса /1873-1897/. Однако, особый вклад имеют представители фламандского Кармеля: Мария св. Терезы /Мария Петит, 1623-1677/ и её духовный наставник Михаил св. Августина /Ван Баллаерт, 1621-1684/.

Мария св. Терезы

Мария св. Терезы, главная фламандская мистичка, кармелитская терциарка /член третьего ордена/, родилась 1 января 1623 г. в Хаезенброуке, в верующей богатой семье промышленников. Период её молодости характеризует своего рода непостоянство. Несмотря на то, что, будучи подростком, она уже способна к многочасовым размышлениям и большому рвению, не чужды ей, в то же время, разочарования и оставление путей святости.

Переломным моментом духовной борьбы становится паломничество к чудотворной иконе Пресвятой Девы Марии, положившее конец периоду сомнений. Она направляется к Марии, чтобы испросить для себя красоты, возвращается же с желанием всецелого отдания себя Богу.

Преодолев множество препятствий в семье, она поступает в монастырь Регулярных Каноничек в Генте. Вскоре ей пришлось их покинуть из-за ухудшающегося зрения и трудностей с чтением Литургии Часов. В то время она знакомится с Кармелем туринской реформы и с выдающимся его представителем, отцом Михаилом св. Августина, которого, уже как кармелитская терциарка, избирает себе духовным наставником. Встреча эта оказалась судьбоносной по двум причинам. Отец Михаил помог ей убедиться в отшельническом характере полученного ею призвания. Он так же, как и его духовная дочь, отличался глубоким и искренним почитанием Божьей Матери. Марианская черта их духовности составила плоскость глубокого взаимопонимания, делая возможным плодотворное переживание духовного руководства с обеих сторон.

в 1657 г. Мария переезжает в Малин (Мехелен), где в маленьком домике, прилегающем к кармелитскому монастырю, ведёт вместе с несколькими женщинами отшельническую жизнь, достигая высокой степени соединения с Богом. Она пребывает там до самой смерти в

⁶¹ Л. Й. Суэненс, *Кто Она? Синтез мариологии*, Варшава 1988, стр.112.

1677 году. Её мистическим переживаниям, которые она записывала по наставлению отца Михаила, часто сопутствовала личность Божьей Матери. Несколько лет спустя после её смерти, он издал эти записи, старательно изучив их ранее и, дополнив богословским языком, там, где это было необходимо.⁶²

Терциарка из Малина (Мехелена) прекрасно осознавала и дар, и необычность совершающихся в ней встреч с Марией. Она также познавала реальные трудности, с которыми сталкивались эти отношения. Многие богословы и учителя духовной жизни того времени считали этот тип духовности препятствием для более чистого, совершающего единственно верой, соединения с Богом.

Мистичка ощущала в себе присутствие Марии. Однако, это было не пребывание Матери Христа в душе, а воздействие через благодати, исходящие из Её личного «прикосновения», определённых внутренних ощущений и движений. Мистичка описывает это следующим образом. «Иногда мне предлагается и даруется духовная жизнь в Марии, покой, радость, связь и единение в Ней. Вот как это происходит. В то время, когда в полной простоте, опустошении и покое разум направлен к Богу, без представлений, прильнув к Нему, созерцая Его, обладая Богом абсолютно простым образом, то мне кажется, что душа моя одновременно ощущает себя прильнувшей к Марии, созерцает Её и обладает Ею».⁶³

Многие из благодатей, полученных кармелитской терциаркой от Марии, связаны с литургическими церемониями или наступают сразу после них. Это не должно нас удивлять, так как совместная молитва является особенным временем присутствия Иисуса, но также и Его Матери. «Утром накануне празднования Сошествия Святого Духа, во время молитвы Литургии Часов, я увидела в глубине своей души нашу возлюбленную Матерь. Она была среди нас и, казалось, слушала наше пение с исключительной радостью, благоволением и удовольствием. Я заметила, что взгляд, который Она устремила на нас, был полон дружелюбия; Она также улыбалась, но особенно Она делала это тогда, когда мы начинали антифоны, стихи и молитвы, говорящие о славе и совершенствах Её».⁶⁴

Тут следует провести существенное различие. В душе человека пребывает только Бог. Он поселяется в ней путём свойственной лишь Ему одному вездесущности. Довольно убедительно представила душу святая Тереза Авильская, сравнив её с внутренним замком с множеством обитателей, где в центральной, самой важной из них, обитает Высочайший Царь. Никто, кроме Него, не имеет к ней доступа. То, что там совершается, является тайной для самого человека. Следовательно, присутствие Марии в душе – иного рода и осуществляется иным путём, способом видения, действия и мистического соединения.⁶⁵

Мария видит нас в Боге. Будучи нашей духовной Матерью, Она одним единственным актом познания охватывает всех людей. Она познаёт каждого человека до самой глубины его естества. В Божием свете Она видит всю его жизнь с момента зачатия в лоне земной матери. Это знание, охватывающее историю всей жизни. Для Марии познание всегда означает любовь, поэтому сознание того, что Она познаёт нас таким образом, то есть, любя, может стать источником нашей радости.

Мария действует на нас, воспитывая и объединяя нас. На нас влияют Её советы, вдохновения, молитвы и добродетели.

И, наконец, Мария пребывает в нас через мистическое соединение. Атмосферу, дающую возможность такого способа бытия вместе с Нею, творит в нас сверхъестественная любовь, когда мы находимся в состоянии освящающей благодати. Она создаёт мистическое соединение с Христом, а в Нём – также и с Его Матерью. Это происходит оттого, что Бог, Который любит, обитает в человеке, которого возлюбил, и наоборот».⁶⁶

⁶² Часть этих записей издана на польском языке. Maria od sw. Teresy, *Zjednoczenie mistyczne z Maryją* [в:] *Biblioheca Carmelitana*, том II, Krakow 1938, стр.5-54.

⁶³ R. M. Valabek, *Prayer among Carmelites of the Ancient Observance* [в:] "Carmelus" vol.28, № 1/1981, стр. 135.

⁶⁴ Там же, стр.134.

⁶⁵ L. M. Grignon de Montfort, *Tajemnica Maryi*, пер. Maria Józefa od Wcelenia, Poznań 1982, стр.57.

⁶⁶ ср. св. Фома Аквинский: «Возлюбленный объект действительно присутствует в любящем субъекте», цит. по: *Summae theologica* I-II, 28,1.

Михаил св. Августина

Михаель ван Баллаерт был одним из наиболее выдающихся личностей туринской реформы /1604/, поставившей себе целью обновление жизни молитвы в духе первоначального кармелитского харизмата. Он происходил из глубоко верующей семьи, о чём свидетельствует тот факт, что все его родственники, достаточно многочисленные, избрали священство или монашество. После рукоположения в священники в 1645 г. он исполнял функции профессора богословия и философии. Именно в это время он стал духовным наставником Марии св. Терезы. Был наставником новициата, приором в различных конвентах /собраниях/ реформы, а также провинциалом фландрийско-бельгийской провинции. Это пост он занимал два срока полномочий, заслужив себе репутацию настоятеля исключительных достоинств и глубокой духовной жизни. Когда он писал какое-нибудь послание, то снабжал его словом «Мария», обрамлённым чем-то вроде пылающего круга. Это по его распоряжению было выполнено множество копий иконы *Madonna della Bruna* из Кармине в Неаполе, образа, чьё авторство предание приписывает св. Луке. Это изображение было помещено во всех кармелитских храмах реформированной провинции. Михаил св. Августина неустанно носил с собой крохотную копию этой иконы.

Сохранилось свидетельство о последних часах его жизни. В праздник Сретения Господня, прикованный болезнью к постели, он молился, чтобы Мария, Которая посвятила Иисуса в храме, посвятила также и его своему Сыну в небе. Брат, опекавший его, принёс в его комнату котёл с горячей водой, чтобы тёплый пар растопил пронизывающий холод кельи. Делая это, он заслонил благочестивому кармелиту фигуру Марии, которая была поставлена рядом с кроватью, в ногах. Свою последнюю просьбу этот монах шестидесяти с лишним лет выразил следующим образом: «Братец, прошу тебя, отодвинь этот котёл, дабы я, доколе ещё могу, вглядывался в мою любимую Матерь». Вскоре он умер, всматриваясь в Её лик.

Плодом личного опыта праведного кармелита, равно как и духовного наставничества над Марией св. Терезы, является небольшой трактат *О мариоформической и марианской жизни в Марии и через Марию /De vita mariaeformi et mariana in Maria propter Mariam/*, изданный в 1671 г. В нём автор представляет важнейшую информацию на тему природы мистического соединения с Марией. Он не занимается аскезой и практикой почитания Богородицы, о чём говорят сочинения св. Людовика Марии Гриньона де Монфора. Вместо этого он обращается к сокровенной, внутренней сути царства Сердца Божьей Матери, где пребывает Дух Святой, отворяя его врата тем, кому Сам пожелает.

De vita mariaeformi – это небольшое произведение, состоящее из четырнадцати глав, оно является четвёртой частью более крупной публикации под названием *Введение во внутреннюю жизнь*. Связь трактата с тематикой духовного возрастания устанавливает марианскую мистику в собственной перспективе, то есть в тесной зависимости от действия Пресвятой Троицы. Что бы ни писал автор на тему мистических уз души с Марией, в основе всегда остаётся личность Бога, к Которому стремится всё остальное/

Вдохновение к тому, чтобы поднять марианскую тематику, как отмечает сам автор, было ему уделено по Божьему милосердию. Движимый сыновней любовью к Марии, он хотел передать доступным образом, как должны себя вести по отношению к Ней души, которые Дух Святой одарил благодатью марианской мистики.

Характеристика мистического присутствия Марии в душе

Марианская мистика сестры Марии св. Терезы и отца Михаила св. Августина является одним из прекраснейших отражений марианского наследия Кармеля, реализующим правило, вписанное в сердце кармелитской духовности: "*Totus marianus est Carmelus* – Весь Кармель – марианский".⁶⁷ Вот что хочет нам поведать благочестивый кармелит и его пенитентка /исповедуемая/.

⁶⁷ т.е. принадлежит Марии

Опыт мистического познания Марии – редкий дар

Работы по этому феномену действительно скупы, так как и людей, которые были им одарены, существует немного. Ещё меньше тех, кто оставил после себя письменные свидетельства. Сестра Мария св. Терезы также испытала, что мистическая жизнь в Марии, известная по собственному опыту весьма небольшому числу людей, собственно говоря, «зарезервирована» «Её возлюбленным», «Её избранникам» и «благодетельствуемым Ею детям, которых Она себе избрала».⁶⁸

Какова причина редкости этого феномена? Попытка ответить на этот вопрос всегда сталкивается с тайной Святого Духа, Который уделяет Свои дары, хочет и как хочет. Отец Михаил, кроме того, полагает, что марианская мистика, известна по собственному опыту лишь немногим, поскольку, сама по себе являясь огромной, незаслуженной благодатью, она вызывает другую, также особенную, благодать, каковой является предание себя в рабство любви Марии и применение этой преданности на практике во всей полноте, со всеми последствиями.⁶⁹ Она приводит к совершенному умиранию себя, в котором „я“ человека полностью уступает место решениям и действию Марии. И в это время духом человека „управляет ... и владеет дух Марии, как в сфере действия, так и страдания. (...) Дух Марии может повелевать движениями сил души, приводить их в движение и побуждать их либо к действию, либо к отказу от него“.⁷⁰

Мистическая связь с Марией и почитание Марии – не одно и то же

Мистическая жизнь, называемая также мистическим познанием или, пользуясь терминологией св. Фомы Аквинского, «простым рассматриванием истины»,⁷¹ не зависит от инициативы человека, но всегда исходит от Бога. Её характеризует пассивность или отсутствие активности со стороны личности, которой она уделяется. Другими словами, она основывается на исключении кропотливого рассуждения, перехода от одной предпосылки к другой, а от них к выводу. Она является, напротив, спокойным и полным восхищением всматривания разума, интеллекта в какую-нибудь тайну или истину, в Божьем свете. Вот как описывает такой опыт кармелитская терциарка. Это переживание совершается «с большой простотой в сознании, не путём какого-то размышления или рассуждения, а исключительно лишь простым взглядом, познанием и любовным снисканием данного мне откровения, которое отражается во мне, словно в зеркале. И созерцая Пресвятую Матерь, я охватываю одним и тем же взглядом всё то, что в Ней проявляется, как в зеркале, без искажения».⁷² Такой вид жизни души относится не к естественному, а к сверхъестественному порядку, поэтому он нуждается в помощи сверхъестественной благодати, уделяемой Святым Духом.

Марианская мистика относится к такому типу даруемого человеку опыта, переживания. Его нельзя достигнуть собственными силами и получить по желанию. «Иногда мне предлагается и даруется духовная жизнь в Марии», – пишет Мария св. Терезы. Следовательно, это не простое почитание или обыкновенное соединение, достигнутое путём усилий добровольного обращения к Марии, которое имеет скорее внешний характер и приносит плод того, что человек привыкает пребывать с Ней, часто думать о Ней, разговаривать с Ней и подражать Ей.

Почитание Матери Божьей, в отличие от мистического переживания Её тайны, доступно каждому, поскольку оно, будучи важным фактором на пути нашего освящения, относится к сути христианства. Так установил Бог, и каждый человек приглашён к принятию дара присутствия Марии в своей жизни. Это особый, интимный по своей природе и глубоко личный дар Христа для каждого человека.⁷³ Практика почитания Марии приносит плод развития добродетелей и имеет целью поддержать человека в как можно большем стяжании совершенства, от которого зависит степень его славы на небесах.

⁶⁸ *Zjednoczenie mistyczne z Maryją*, стр.14.

⁶⁹ Михаил св. Августина, *Life in and for Mary*, Чикаго 1954, стр. 22.

⁷⁰ *Zjednoczenie mistyczne z Maryją*, стр. 15.

⁷¹ *Summae theologicae*, II-II, 180, 3.

⁷² *Zjednoczenie mistyczne z Maryją*, стр.20-21

⁷³ ср. Иоанн Павел II, энс. *Redemptoris Mater*, 45

Мистику Марии инициирует Святой Дух

Мистическое присутствие Марии в душе как свободный и сверхъестественный дар основывает особенную благодать Святого Духа, Матерь Христа является Его Невестой, Его Святыней. Без актуального действия Третьего Лица Пресвятой Троицы, объясняет отец Михаил, «душа может жить в присутствии Марии и любить Её разумной, серьёзной и зрелой любовью. Однако, в данном случае, никогда не проявится простая и детская любовь. И даже если бы душа того желала, она не будет способна к этому, опираясь на эти черты. Такое поведение было бы для неё искусственным и неестественным. Тогда как под вдохновением Святого Духа такая любовь появляется спонтанно и из глубины души, без всякой искусственности, поскольку проистекает из того же Духа, Который, обитая в ней, действует различными способами, согласно своим замыслам, когда и как хочет.⁷⁴

Каким образом Святой Дух вводит человека в эту особую атмосферу любви по отношению к Марии? Отец Михаил указывает на два пути. Бывает, что Он непосредственно и спонтанно вдыхает её в душу. Может так случиться, что человек под воздействием особенной благодати обнаруживает в себе любовь к Матери Иисуса, на которую раньше не был способен. Следовательно, это полностью свободный и ничем не заслуженный дар Божьего Духа. Возможен также другой образ Его действия. Человек прилагает усилия приготовления к принятию такой благодати, заботясь о соответственном расположении, создавая в себе подходящую атмосферу вследствие частого и полного любви обращения к Марии. Образно говоря, он подготавливает соответствующее поле души, удобряя его и ухаживая за ним. Однако и в этом случае Святой Дух полностью свободен и независим в решении, бросить в это поле мистическое зерно или же нет.

Благодать Своего мистического присутствия в душе испрашивает сама Мария

Описывая дар марианской мистики, отец Михаил объясняет, что он касается того, что Бог и Мария одновременно предоставляют Себя душе. Ибо этот дар уделяется по Божьей милости, благодаря ходатайству Марии. Католическая Церковь называет Её Посредницей благодатей. Всем, что получаем от Пресвятой Троицы, мы обязаны заступничеству Марии. «По Божьей воле мы ничего не получаем без посредничества Марии; так же, как никто не может прийти к Отцу, как только через Сына, так и никто не может прийти к Христу, как только через Его Матерь».⁷⁵ Таким образом, мы всецело зависим от Неё, как от Хранительницы, Сокровищницы всех благодатей, в деле действенной и освящающей благодати и даров Святого Духа. Это Её посредничество не является самостоятельным и независимым, но целиком подчиняется единственному посредничеству Христа, ничего не прибавляя к нему и ни в чём его не дополняя.

Мария – посредница благодатей, поэтому наша духовная жизнь и святость находятся под Её материнским воздействием. «Без Неё никто не может стать святым. Благодаря Её заступничеству, Бог призывает святых, формирует их и, наконец, венчает их наградой. Итак, Её причинность, в содействии с Богом и в зависимости от Него, является решающим фактором человеческого совершенства».⁷⁶

Марианская мистика вырастает из особенного отношения Марии к Богу

Мария, как и любой человек, – это творение и сама по себе ничего не значит. Всем, чем Она является и что имеет, всеми привилегиями и даром исключительного избрания Она обязана Богу. Её невозможно постичь без Христа. Её мистический союз с избранной душой относится к этим особенным отношениям между Нею и Пресвятой Троицей. Оттуда он черпает достоинство, святость, возвышенность и совершенство.

⁷⁴ *Life in and for Mary*, стр. 16.

⁷⁵ Leon XIII, enc. *Octobri mense*, 196.

⁷⁶ A. Marchetti, *Zaris teologii życia duchowego*, пер. Й. Е. Белецки, Краков, т. I, стр. 96.

Матерь Иисуса отражает в себе Бога, и это Мария св. Терезы выразила прекрасным сравнением с зеркалом, отражающим солнце. «Когда нам дана благодать созерцания Бога в Марии и через Марию, соединённую с Ним, то тогда Он является нам в Марии, через Неё, словно в зеркале. И тогда сияние и отблеск Его Божества лучше приспособлены к нашим ограниченным способностям и слабому зрению нашего разума. Этим способом нам предоставляется возможность более длительного пребывания в созерцании и наслаждении Богом, а также познание и открывание выразительнейшим и яснейшим образом Его Божественных совершенств и достоинств. (...) Почему? Именно потому, что это зеркало смягчает жар солнечных лучей, отражая их и представляя очам приспособленными к их силе видения. (...) Мария – это зеркало без изъяна, в котором Бог является нам со всеми Своими Божественными качествами, со Своими совершенствами и тайнами, и причём таким образом, который может легче постичь и уловить ограниченная познавательная способность нашего разума».⁷⁷

Изъятие марианской мистики из сферы тайны Бога приводит к её извращению. Последствия такой деградации катастрофичны для души. Прежде всего, пишет отец Михаил, отношение к Марии становится натуральным и чувственным, лишённым сверхъестественного элемента. Наступает разрушение внутреннего единства души, что является серьёзной преградой на её пути к единству с Богом. Это происходит оттого, что любовь такова, каков её объект. Если объект любви – натуральный и чувственный, то и сама любовь тоже будет такой же. А если объект любви – сверхъестественный и божественный, то и любовь будет такой же.⁷⁸ Поэтому душа должна неустанно заботиться об очищении своего чувства, чтобы питать к Марии чистейшую любовь.

Сердце марианской мистики – единая любовь к Богу и Марии

Человек, одарённый мистическим присутствием Марии не испытывает два вида любви: одной любви – к самому Богу, а другой – к Матери Иисуса. Отец Михаил неоднократно возвращается к этой мысли, выражая её разными способами. «Итак, эти отношения (...) есть ничто иное, – пишет он, – как излияние Божьей любви, которая действует в душе и нежно возносит её к сей дражайшей Матери. Делается так для того, чтобы в то время, когда душа испытывает нежную любовь к Марии, она тотчас проявила свою любовь к Богу, без всякого посредничества, препятствия или разделения духа. Любовь к Богу и любовь к Марии представляются одной и той же любовью, изливающейся из души и вливающейся в неё». Это Святой Дух «вызывает, когда хочет и как хочет, ту же самую любовь по отношению к Богу и по отношению к Марии, ранит душу и делает из её то невесту в объятиях Жениха, а то – дитя в объятиях Матери».⁷⁹ В другом месте он ещё пишет: «Однако обязательно, дабы любовь к Богу, которую мы распространяем и на личность Марии (...). вновь возвращалась к Богу и в Нём обретала окончательное исполнение. Такую любовь можно допускать и применять единственно и исключительно в отношении к Богу».⁸⁰

Иисус открыл нам величайшую тайну Своего Отца, которую Иоанн Богослов выразил в словах: «Бог есть любовь» /1 Ин 4, 16/. Все формы настоящей любви – от Бога, от Него происходят, в Нём живут и всегда к Нему возвращаются. Это также касается и отношений между Марией и человеком, наделённым благодатью Её мистического присутствия. Когда он во всей, какой только возможно, простоте, отречении и внутреннем сосредоточении пребывает в Боге, созерцая, любя Его и радуясь Им, то он в то же время побуждается изнутри к созерцанию Марии, любви к Ней и радованию Ею. Другими словами, он охвачен пребыванием в любви с Марией, находящейся в исключительном единстве с Богом. Бог и Мария представляются для него одним простым объектом любви и счастья.⁸¹

Мария соединяет душу с Собой, чтобы, тем самым, совершеннее соединить её с Богом

⁷⁷ *Zjednoczenie mistyczne z Maryją*, стр. 16-17.

⁷⁸ *Life in and for Mary*, стр. 23.

⁷⁹ Там же, стр.16.

⁸⁰ Там же, стр.19.

⁸¹ Там же, стр. 21.

Марианская мистика не существует ради себя как таковой, по той простой причине, что Мария, чьё мистическое присутствие даруется человеку, не обращена к самой себе. Мать Иисуса не действует по своему собственному расчету. Она полностью существует в Боге и действует ради Него. Её первоочередной задачей, как духовной Матери, является уподобление душ своему Сыну и соединение их с Ним. Итак, отец Михаил пишет, что жизнь и умирание ради Марии возможно единственно и исключительно с той целью, чтобы совершеннее жить и умирать в Боге и ради Бога, для Его славы и ради Его любви. «Из примера Марии, Которая всецело предалась воле Бога и вечно живёт ради Него, ради Его любви и славы, следует, что каждая жизнь и каждая смерть ради Марии должна, в конце концов, служить Богу и быть направлена к Нему. Таким образом, мы не живём и не умираем ради Марии как ради конечной цели, не совершаем этого для какой-либо личной выгоды или чего-либо ещё вне Бога; скорее, мы живём и умираем в Марии, дабы, таким образом, совершеннее жить и умирать в Боге и ради Бога, для Его славы и ради Его любви».⁸² Посему царствование Марии в нас сосуществует с совершенным царствованием в наших душах Иисуса и целиком направлено к Нему.

Основной плод мистической встречи с Марией – высокая личная святость данного человека, который, тем самым, приносит Богу больше славы, а душам – пользы, нежели многими делами, которые он мог бы совершить. «Душа более ценна созерцательной любовью, нежели поступками, которые в состоянии совершить».⁸³ Плод личной святости, полученный в школе Марии, – несравненного качества, так как его взрастила Та, Которая наилучшим образом отразила в себе святость Бога. Кармелитская терциарка сравнила Марию с опытной учительницей, учащей ребёнка писать. Выписывая буквы и предложения, рука ребёнка направляется рукой учительницы, благодаря чему быстро приобретает навык. Иисус не нашёл лучшей, чем Мария, учительницы, Которую бы мог оставить нам, завещая на кресте. Она, свидетельствует пустыница из Малина (Мехелена), может «жить во мне, повелевать движениями сил души, приводить их в движение и побуждать их либо к действию, либо к отказу от него. (...) Она становится средством и крепким узлом, соединяющим душу с Богом. Таким образом, Она даёт любящей душе пищу и помощь, содействуя её вернейшему и совершеннейшему стяжанию созерцательной жизни, соединяющейся с Богом и преобразующейся в Нём, и пребыванию в этом состоянии».⁸⁴

Мистическое познание тайн Марии рождает огромную чистоту души, простоту и постоянство в стяжании добродетелей. Сестра Мария объясняет с характерной для неё простотой, что если благодать мистической встречи с Матерью Иисуса длилась бы дольше, чем ей уделено, «мне кажется, что я бы поглощала и впитывала в себя дух, природу, добродетели Прелюбимой Матери настолько, что, полагаю, во многом уподобилась бы Ей, разумеется, всегда сообразно нашему способу выражения, поскольку никто не может достичь совершенства Её добродетелей».⁸⁵

Забота терциарки о личной святости не исчерпывает тайны её общения с Марией. Эта тайна также распространяется на аспект общины, на судьбы всех человеческих душ и на благо Кармелитского Ордена, о котором терциарка заботилась с таким старанием.

Марианская мистика не препятствует соединению с Богом

Марианская жизнь во времена отца Михаила и Марии св. Терезы часто воспринималась, как элемент духовной формации начинающих. Подобное мнение встречается и сегодня. Опровергая его, достопочтенный кармелит и его исповедница подчёркивают, что когда человек целиком и полностью послушен Святому Духу в таком переживании, то есть поддается Его внутренним движениям и устремлениям, Его руководству, то не может заблуждаться. В то же время человек по своему опыту знает, что его жизнь для Марии не является препятствием, чтобы жить для Бога, скорее является помощью и стимулом. Мария становится средством и идеальным узлом, связывающим душу с Богом. Она ведёт душу и помогает ей в

⁸² Там же, стр. 18.

⁸³ *Zjednoczenie mistyczne z Maryją*, стр. 37.

⁸⁴ Там же, стр. 15 и 40.

⁸⁵ Там же, стр. 21.

обретении созерцательной, объединяющей и преображающей любви, а также помогает прожить жизнь с большим постоянством, стойкостью и совершенством.

Высшая степень мистического переживания присутствия Марии

Марианская мистика имеет свою конечную, высшую степень, выше которой в нынешней жизни душа уже не может подняться. «Когда силы души не имеют иного занятия и иной заботы, кроме мыслей о Боге и Марии, познания Их и любви к Ним, возникает такое тесное и сильное привязывание всей души к Богу и Марии, что силою объединяющей любви, кажется, из них троих создаётся одна Сущность, то есть Бог, Мария и душа, так, как будто бы эти три Сущности были слиты, погружены, поглощены и преображены в одно. Сие есть конечная и высочайшая цель, которой может достичь душа в практике марианской жизни».⁸⁶ Вершину марианской мистики сестра Мария видит как «слияние» Бога, Марии и души в одно, что совершается путём погружения в потоке Божьей любви. Когда качества души достаточно благородны и совершенно задействованы в том, чтобы помнить, познавать и любить Бога, а в Нём – Марию, тогда душа глубоко и постоянно привязана к Богу и Марии, человек испытывает, что Бог, Мария и он сам становятся единым целым.

Присутствие св. Иосифа в марианской мистике

Мария св. Терезы вспоминает о весьма интересном аспекте марианской мистики. Бывает, что рядом с ней появляется образ св. Иосифа, в силу его особенных уз с Марией и Иисусом. «Иногда, хотя и редко, в это общение включается и Прелюбимый Отец – св. Иосиф. Воистину предивные вещи происходят со мною, о которых я никогда ни слыхала, ни читала. Сдаётся мне, что в это трудно даже поверить, если сам не испытал подобного. (...) Иисус, Мария, Иосиф в этот момент так просто и духовно видны на горизонте, так попросту духовно находятся в памяти и воле, что мне кажется, что сии Трое суть одно. Ибо в сих Трёх Сущностях находится удивительное слияние воли и любви. (...) Тем самым они являются предметом моего внутреннего взора и устремления моей любви».⁸⁷

Признаки мистического переживания присутствия Марии

Отец Михаил и Мария св. Терезы перечисляют множество явных признаков феномена марианской мистики, как то: неустанная память о Марии, охватывающая ум, сердце и волю, то есть сознание Её постоянного присутствия; дух детства в отношении к Марии; всё большее забывание о себе и о творениях; углубление духовного постоянства, возрастающая простота и чистота сердца; внутренний свет, относящийся к тайнам Марии, доступным естественному познанию, а также сознание того, что никогда нельзя до конца в них проникнуть; возгласы хвалы и восхищения в адрес Марии; создание новых слов, которые передавали бы Её величие, святость и достоинство; невыразимость испытанных переживаний; ощущение единства, растворения и забвения в Марии; ощущение сладости во время написания, произношения или мысли об имени Марии; уподобление Марии.

В свидетельствах, как отца Михаила, так и его исповедницы, мы находим символический язык, с помощью которого авторы пытаются приблизить переживаемые тайны. Тем самым, они вспоминают, что в случае особенно близких отношений любви к Мари порой появляется ощущение, как будто душа почивает «на Её груди», «в Её объятьях», «на Её коленях».

Кармелитская школа и доктрина св. Людовика Марии Гриньона де Монфора

И тут появляется интересный вопрос. Имела ли кармелитская школа влияние на образование марианского учения св. Людовика Марии Гриньона де Монфора? Несколько зна-

⁸⁶ *Zjednoczenie mistyczne z Maryją*, стр. 39-40.

⁸⁷ Там же, стр. 43-44.

чительных фактов позволяют подтверждать наличие такого воздействия. Трактат отца Михаила был издан в 1671 году, за два года перед рождением св. Людовика, стало быть, получил широкое распространение во время жизни этого святого. Кроме того, доктрина почтенного кармелита, как одного из главных представителей туринской реформы, была широко известна в Ренне, где находился один из монастырей реформы. По этой причине биографы св. Людовика указывают на несколько любопытных эпизодов, которые красноречиво свидетельствуют о связи святого с марианской традицией Кармеля. Когда молодой Людовик был студентом в Ренне, он «ежедневно, идя на коллегии и, возвращаясь с неё, входил в церковь кармелитов и молился на коленях пред чудесной фигурой Пресвятой Девы Марии, Матери Мира. Порой он задерживался там дольше часа в невыразимом и глубоком сосредоточении».⁸⁸ Пико де Клоривьер, в свою очередь, пишет: «Без сомнения, та Мать милосердия вознаградила усердие, оказанное её слугою, и испросила для его огромные милости. Одна из наибольших полученных милостей, как он десять лет спустя поведал своему другу, была благодать призвания к священству. Это призвание было таким ясным и верным, что он не имел никаких сомнений и не нуждался в дополнительных размышлениях по этому поводу».⁸⁹

Итак, можно смело сказать, что, хотя мы и не имеем явных доказательств непосредственного влияния отца Михаила на св. Людовика, однако, это влияние очевидно посредством кармелитов, которые знали и обучали верных в Ренне марианской доктрине отца Михаила. Кроме того, отмечая огромное сходство марианских доктрин почтенного кармелита и св. Людовика, мы можем предположить, что трактат *О мариоформической и марианской жизни в Марии и через Марию /De vita mariaeformi et mariana in Maria propter Mariam/* был известен св. Людовику. Существеннейшее сходство обнаруживается в использовании определения «в Марии, с Марией, через Марию и ради Марии», а также в доктринах об исключительном союзе Иисуса и Марии, о присутствии Марии в душе посредством особой благодати, о роли Святого Духа в практиковании марианской жизни, о всепосредничестве Марии в уделении благодатей и о роли марианской жизни в стремлении к единству с Богом.

Наряду с упомянутыми сходствами существуют также различия, но они не столько противостоят друг другу, сколько взаимно дополняют друг друга. Так, например, св. Людовик более систематичен в трактовании почитания Марии; оно ясное и логически представленное. Отец Михаил не так ясен и систематичен. Это различие происходит оттого, что отец Михаил занимается как раз исключительно мистической жизнью в Марии, которое по своей природе является тайной и совсем не является лёгким для представления. Св. Людовик, в свою очередь, почти целиком занимается аскетической жизнью в Марии, которую намного легче показать и объяснить.

Следует добавить немного информации о польском вкладе в развитие религиозной практики предания себя в рабство Марии. Мы обязаны этим о. Франчишку Феницкому (Phaenicius) SJ, автору трактата *Mariae mancipium sive modus tradendi se in mancipium Deiparae Virgini – Невольник Марии или способ предоставления себя в собственность Богородице Деве*, 1632 г. (польский перевод того же года носит заглавие *Piękno Panny Maryi albo sposób oddawania się błogosławionej Pannie Maryi za służbę i niewolnika – Красота Девы Марии или способ посвящения себя благословенной Деве Марии как раба и невольника*). Отец Феницкий не является создателем религиозного обряда предания себя Матери Божьей в рабство любви. Однако он является одним из первых, кто дал полное изложение и богословское обоснование этого религиозного почитания Марии. Его труд хронологически опередил произведения испанских распространителей рабства Марии, а также трактат *О совершенном почитании* св. Людовика. Последний лично знал отца Феницкого и воспользовался его работой, изменив имя автора на Phalacius.⁹⁰

⁸⁸ *Life in and for Mary*, стр.8.

⁸⁹ Там же, стр.8.

⁹⁰ *Fenicki Franciszek [в:] Encyklopedia Katolicka*, t. V, Люблин 1989, стр. 122.

Глава восьмая МАРИЯ ТЕРЕЗИАНСКОГО КАРМЕЛЯ

Терезианская реформа

Живя в сердце Кармеля, Мария занимает привилегированное место в сердцах и свидетельстве тех, кто его созидает. Хотя отдельные поколения с различной интенсивностью углублялись в свет Её непорочной тайны, однако Она остаётся постоянной величиной, отмечающей ритм жизни кармелитской общины.

Прослеживая историю Кармеля с его палестинских зачатков, можно насчитать несколько значительных движений обновления, предпринимающих усилия для оживления духа молитвы, одиночества и марианского наследия. Некоторые из них охватывали отдельные монастыри, другие – одну или несколько провинций. Среди всех реформ лишь одна, начатая в XVI веке св. Терезой Иисуса, развилась по велению Божьему в новую монашескую семью, дав начало терезианскому Кармелю.

Щедро черпая из марианского наследия Кармеля, Реформа выработала своё собственное лицо, обогащая общину верных наследством мудрости многих святых и блаженных, в том числе трёх Учителей Церкви: св. Терезы Иисуса /Авильской/, св. Иоанна Креста и св. Терезы Младенца Иисуса. Марианский характер терезианского Кармеля носит отпечаток их исключительного избрания, неповторимых качеств личности, духовного и физического возрастания, наконец, времени, в которое им довелось жить.

Небесная Настоятельница св. Терезы Иисуса

Тереза⁹¹ де Ахумада /1515-1582/ познакомилась с Марией очень рано. Посредницей в первых встречах с Нею была мать святой, дона Беатрис, которая ввела дочь в основы почитания Марии. Обучение происходило не столько на основе объяснения и убеждения, сколько на личном примере родителей. Познание Марии, далёкое от мимолётного и поверхностного очарования, углублялось с течением времени и становилось всё более обязывающим. Оно постепенно преображало жизнь святой и даже приобрело исключительно подлинное сходство с жизнью Христа.

Посвящение себя Марии в детстве

Глядя на своё детство с перспективы многих уже прожитых лет, Тереза признаётся, что подражание матери часто побуждало её искать укромные места, где она совершала свои личные акты благочестия, которые она подсмотрела у взрослых. Среди них выделялась молитва розария. В доме супругов де Ахумада особенно торжественно читали эту молитву. Дона Беатрис, искренне молившаяся по чёткам розарий, не преминула и своих детей научить этой молитве. Результатов не пришлось долго ждать. Нам известен прекрасный эпизод из детских лет Терезы, показывающий силу влияния Марии на её сознание. «Когда моя мать умерла, – пишет святая, – мне было, насколько я помню, двенадцать лет или немногим меньше. Понимая величину потери, я пошла в горести своей к образу Божьей Матери и, плача всем сердцем, умоляла Её, чтобы Она стала мне матерью. Эта просьба, хотя и была совершена с детской простотою, мне кажется, не была напрасна».⁹² Нас может поразить такое зрелое понимание тайны материнской любви Марии у ребёнка-подростка. Правда, хотя это поручение себя Марии произошло в годах детской простоты, однако оно было совершено искренне и вполне осознанно, начиная процесс, который много лет спустя завершится всецелым обращением сердца святой к Марии.

Просьба Терезы к Марии о том, чтобы Она приняла на себя материнские обязанности, по традиции была произнесена перед фигурой Матери Милосердия, почитаемой в кафед-

⁹¹ В испанской транскрипции *Тереса*.

⁹² *Книга жизни* 1,7.

ральном соборе в Авиле. Святая неоднократно становилась пред ней на колени в детской преданности. Быть может, сделала это и тогда, когда в возрасте семи лет, вместе со своим братом Родриго, отправилась в страну мавров, чтобы там понести мученическую смерть. Побег ребятишек закончился за мостом через реку Адаха, где беглецов встретил их дядя /со стороны отца/. Такие необыкновенные желания у столь юной Терезы подтверждают удивительные пути Божественного Провидения, появляющиеся в детстве у великих святых, предназначенных для важных миссий в Церкви. Мы можем заметить у них исключительное действие Святого Духа в даре мудрости. Незаурядный интерес к почитанию Марии, чрезвычайная чистота сердца, поразительное суждение о людях и делах мира сего – вот только некоторые черты святости, зарождающейся под бдительным оком Марии.

Мистическая встреча с тайной Марии

Живой интерес к Марии не прошёл в жизни святой, как уходят в забвение другие эпизоды детства. Он совершенствовался с каждым годом, так что, наконец, вместе с её поступлением в Кармель, встал перед абсолютно новыми горизонтами. Тереза уже не простая девушка. По собственной воле она становится невестой Христовой. Она приглашена к тесной связи с Божественным Учителем, что влечёт за собой важные последствия, поскольку там, где находится Сын, там всегда есть и Его Мать. Честь, отдаваемая Марии, когда Тереза молится молитву розария, прибегает к Ней в трудностях, празднует тайны Её Непорочного Зачатия и Успения, теперь вовлекается в сферу мистической встречи с Христом. И тут Тереза познаёт «другую» Марию. Её тайны, которые она раньше могла познавать исключительно путём размышления и женской интуиции, теперь она познаёт в свете мистической благодати, участвуя в радостях и страданиях Матери Иисуса. Что бы она ни поведала с этих пор о Деве Марии, она выскажет это как результат встречи с Ней на плоскости мистики.

Познавая Марию изнутри её души, проникая в мир её чувств и мыслей, обновительница Кармеля полностью осознаёт то, что участвует в чём-то, о чём она в состоянии лишь предупредить. Когда её спрашивают о том, как она узнаёт Иисуса или Пресвятую Деву, она отвечает прямо: «Этого вам душа не объяснит, ибо и сама не способна понять, каким образом это познаёт; знает лишь с совершенной уверенностью, что познаёт».⁹³ Итак, когда она высказывается о Матери Божьей во многих местах своих произведений, читатель просто встречается со словом. Для неё, однако, каждое слово означает конкретное внутреннее переживание, в котором она встретила с тайной Марии, познавая какую-нибудь частичку необъятной тайны Её жизни. Из личных рассказов святой мы узнаём, что она участвует в страданиях Марии под крестом, испытывая Её одиночество и осиротелость; что она получает благодать приближения к глубине смирения Марии и любви Бога, открывающейся в момент Благовещения. Она понимает, что таят в себе слова из гимна Марии *Magnificat* «Величит душа моя Господа», а также пророчество старца Симеона, произнесённое в храме, об оружии скорби. У Терезы есть некая интуиция в отношении сокровенной жизни Святого Семейства. Наконец, она видит роль Матери Божьей как неустанной заступницы в делах кармелитских общин Реформы.

Марианская мистика Терезы тесно связана с личностью Христа, а конкретно с даром Его Человечности, которая родилась в лоне Девы. Святая, таким образом, предостерегает от размышления над этим Человечеством в отрыве от тайны Марии. Её нельзя понять без Сына; а Он, в свою очередь, хочет, чтобы Мать участвовала в жизни и общении Троицы. Когда в мистической встрече Терезе даётся испытать общность Пресвятой Троицы, она явственно видит в Ней присутствие Марии, в то же время, слыша слова Отца: «Я отдал тебя Сыну Моему и Духу Святому и сей Пресвятой Деве. Что же ты можешь Мне дать за это?».⁹⁴ Иисус, Святой Дух и Мария являются непостижимым даром отцовского сердца Бога для человечества.

⁹³ Св. Тереза Иисуса, *Внутренний замок – Twierzda wewnętrzna* VI, 8,6 [в:] *Dzieła*, tom II, Kraków 1987.

⁹⁴ Св. Тереза Иисуса, *Sprawozdania duchowe – Духовные комментарии* 25, 2 [в:] *Dzieła*, tom III, Kraków 1995.

Настоятельство Марии

Стоит обратить внимание на марианскую перспективу Терезы, когда она говорит о своём ордене. Всё в нём принадлежит Марии: Устав, монастыри, хабит /монашеское одеяние/, отдельные личности. Произнося название ордена, Тереза всегда связывает его с именем Марии. О Ней самой, в свою очередь, говорит «моя настоятельница».⁹⁵ Это не были лишь пустые слова. Принимая должность приориссы в монастыре Воплощения, она помещает фигуру Пресвятой Девы Марии на месте приориссы и кладёт к Её ногам ключи от дома, в знак того, что Она им управляет. Этот прекрасный и искренний жест найдёт своё завершение в явлении Марии Терезе. «Когда началось *Salve*, я увидела Матерь Божию с великим множеством ангелов, нисходящую к месту настоятельницы, где была поставлена Её статуя, и садящуюся на это место. (...) Наша Матерь сказала мне: «Ты хорошо придумала, что поместила Меня здесь. Я буду присутствовать при воздании почестей и преклонения, которые будут здесь оказываться Моему Сыну и буду Ему их представлять.»⁹⁶ Желая, кроме этого, подчеркнуть то, что она думает о присутствии Марии в общине сестёр-кармелиток, Тереза сравнивает женские реформированные монастыри с голубятнями Пресвятой Девы Марии, которые, благодаря Её благословию, быстро пополняются новыми призваниями.

Идея приората /настоятельства/ Марии в кармелитской общине не была вымыслом Терезы. В данном случае она является лишь верной продолжательницей переосмысления и духовного опыта предыдущих поколений. Однако заслуга святой состоит в творческой верности давним традициям. В водовороте Реформы она не утратила драгоценных жемчужин прошлого; она взяла их и вплела в харизму новой ветви Ордена, заботясь о том, чтобы он не потерял связи с духовным наследием гор Кармеля.

Госпожа скапулярия и Устава

Тереза понимает жизнь в Кармеле как огромную благодать, за которой стоит заступничество Марии. Тереза была благодарна за эту благодать тем сильнее, чем больше открывала богатство марианской традиции Ордена. Его история, легенды и литургия предоставляли ей возможность испытывать и выражать те богатства, которые она сама носила в сердце. Кроме того, они убеждали святую в безошибочности её суждения о Пресвятой Деве как о Матери, Госпоже и Покровительнице Кармеля. Печать Марии, видимая в призвании кармелитки, Тереза идентифицирует с тем, что является наиболее принципиальным для плодотворной жизни харизмой общины: «Все мы, кто облечён в священный хабит Кармеля, призваны к молитве и созерцанию, ведь это и есть начальная цель нашего ордена (...)».⁹⁷ Общим наследием кармелитки и Матери Иисуса является призывание к внутренней жизни и к совершенному дару себя самой. Для святой знаменем этого посвящения является хабит, в который кармелитские художники часто облакали свою Покровительницу.

Кармелитский хабит – это, прежде всего, скапулярий /наплечник/, знак Марии. Тереза целует его с великим почтением, всякий раз, как снимает либо надевает его на себя. Она всегда ложиться спать в малом ночном скапулярийе, с верой в приписываемые ему привилегии. Она твёрдо верит, что за верность призванию, испытываемому в знаменнии скапулярия, Мария проводит души прямо на небо и сокращает их пребывание в чистилище, если они должны были там задержаться. Иисус, в этом отношении, дал ей узнать посмертную участь одного кармелита, душа которого пошла прямо на небо, не задерживаясь в чистилище. В тот момент изумлённой Терезе было дано понять, что «в награду за верное соблюдение Устава, которым он отличался, он достиг обещанной нашему Ордену и подтверждённой папскими буллами особой благодати освобождения от чистилища».⁹⁸

Устав Ордена был для Терезы также связан с Марией. «Будем всегда держаться Устава Пресвятой Девы Марии с Горы Кармель (...), – побуждает она сестёр. – Пусть Господь со-

⁹⁵ Св. Тереза Иисуса, *Письмо к Марии де Мендоса от 7 марта 1572 г.* [в:] *Dziela*, tom III.

⁹⁶ *Sprawozdania duchowe – Духовные комментарии* 25, 1.

⁹⁷ *Внутренний замок V*, 1,2.

⁹⁸ *Книга жизни* 38. 31. Здесь речь идёт о так называемой *субботней привилегии*, связанной с ношением скапулярия.

благоволит устроить, дабы всё это было во славу и честь Его и Пресвятой Девы Марии, скапулярий Которой мы носим».⁹⁹ В возвращении к первоначальному духу кармелитской формы жизни и в верном его соблюдении она видела надёжный путь обновления Кармеля XVI века. Отделение Реформы от Кармеля старой обсерванции /прежнего соблюдения Устава. т.е. не реформированного/, совершённое на капитуле в Алькале (1581) и завершившее период внутренней напряжённости в Ордене, Тереза воспринимает как результат явного вмешательства Марии, Матери Мира: «(...) Господь дал такой счастливый конец этому важному делу, во славу и честь Пресвятой Своей Матери, ибо Орден является Её собственностью, а Она – нашей Госпожой и Покровительницей».¹⁰⁰

Мать Реформы и духовного роста

Наблюдая историю реформ Кармеля, мы можем заметить, что, несмотря на различные времена, места и радиусы действия, отдельные реформаторы с одинаковой решительностью сосредотачиваются на следующих проблемах: молчание, молитва, одиночество, Мария. Они составляют ключ, который постоянно позволяет заново прочитывать и, вместе с тем, обновлять сердце кармелитской харизмы, чтобы пребывать в любящем присутствии Отца в уединении.

Если Кармель является собственностью Марии, – понимает Тереза, – то, очевидно, что Она сопровождает Орден в его историческом и духовном странствии, в его борьбе за верность первоначальному Уставу. Это по Её вдохновению и под Её чутким руководством святая начинает дела обновления кармелитского духа, основывая монастырь св. Иосифа /Сан-Хосе/ обновлённой обсерванции / нового соблюдения Устава, т.е. реформированный./ При этом она считает себя орудием Девы, действительной Создательницы Реформы. Уделяя Терезе благодать внутренней чистоты во время их мистической встречи, Мария подтверждает, что Тереза для Неё – правая рука в том, что касается образования, развития и будущего обновлённых общин. Когда основание монастыря св. Иосифа достигло счастливого завершения, святая из Авила записала: «Прежде, чем переступить порог монастыря, я вошла в церковь помолиться. Там, впав как бы в восхищение, я увидела Господа Иисуса Христа, как Он с великой любовью поприветствовал меня, возлагая мне на голову венец и благодаря за то, что я сделала для Его Матери».¹⁰¹ Из этого признания следует, что первый монастырь Реформы и все последующие являются славой Марии. Она Сама, выражая Свою благодарность, дала познать Терезе высокую степень святости, которой достигнут монахини, живущие в монастыре св. Иосифа.

Решающая роль Марии как вдохновительницы основания новых монастырей не заслонила Терезе самого важного. Святая сохранила соответствующее расстояние от внешнего облика Реформы, которым являлось материальное обеспечение зарождающейся новой ветви Ордена. Она прекрасно понимала, что успех обновления решается в сердцах тех, кто живёт в монастырях. Это есть первый и наиболее важный фронт борьбы. Поэтому Мария для неё – это, прежде всего, Мать духовной борьбы и возрастания в святости. Описывая отдельные этапы духовного развития, она показывает активную роль Девы Марии как неслучайной и надёжной спутницы в пути по всем обителям внутреннего замка, вплоть до самой встречи с Наивысшим Царём, обитающим в его центре.

Описывая присутствие Марии на духовных путях человека, Тереза подробно определяет его характер. Это, прежде всего, присутствие в качестве заступничества и личного примера. Мария никого не воспитывает абстрактно, но весьма конкретно и образно, как мать. Её личность – совершенный образец святости, которому должно подражать в меру полученной благодати. Следовательно, Тереза уделяет относительно много внимания добродетелям, характерным для Матери Иисуса. Она пишет о Её глубоком смирении, бедности, отречении от собственной воли, позиции покорного созерцания и восхищения тайною Божьих замыслов.

⁹⁹ Там же, 36, 26, 28.

¹⁰⁰ Св. Тереза Иисуса, *Книга оснований* 29, 31 [в:] *Dzieła*, tom II.

¹⁰¹ *Книга жизни* 36, 24.

Школа Марии тесно связана с Человечностью /человеческой природой/ Христа, поэтому Тереза неизбежным образом доходит вместе с Нею до самого подножия креста, где совершенные души получают прекраснейшую огранку. «Мы всегда видели, – развивает свои размышления Тереза, – что самые приближённые к Господу нашему Христу больше всего и мучались. Вспомним, сколько страдала Его Преславная Мать, какие преследования и муки претерпели славные апостолы».¹⁰² Для Обновиельницы Кармеля совершенно очевидно, что Бог призывает людей, сотрудничает в деле их освящения и приводит в жизнь вечную благодаря заступничеству Марии.

Дева, соединённая с Богом – по св. Иоанну Креста

В огромном литературном наследии св. Иоанна Креста /Хуан де Йепес, 1542-1591/ напрасно искать поэзию или также размышления, непосредственно посвящённые марианской тематике, которые мы можем встретить у двух остальных Учителей Церкви. Тем не менее, это не означает, что святой равнодушно прошёл мимо завещания Христа, произнесённого Им с креста: «Се, Мать твоя» /Ин 19, 27/. То, чего мы не найдём в его произведениях, прекрасно дополнит свидетельство его жизни. Оно говорит нам об искреннем благоговении, которое святой питал к Непорочной Матери Бога.

Пересекающиеся дорожки

Почитание Марии у св. Иоанна можно сравнить с двумя, бегущими рядом друг с другом, дорожками, которые время от времени взаимно пересекаются. Проследив историю его жизни, мы всякий раз замечаем след Марии: то какое-либо Её сверхъестественное вмешательство, то вновь какое-либо место или вещь, связанные с Ней. Она появляется, прежде всего, в трёх ключевых периодах духовного становления: в детстве – как его первая учительница, во тьме толедского заточения – как свет надежды, когда накануне Вознесения Господня Она обещает ему, что он вскоре окажется на свободе¹⁰³, и перед смертью – как заря вечности, когда в разговоре о скапулярийе св. Иоанн признаётся, что умрёт в субботу и уже вместе с Марией будет петь заутреню на небесах.¹⁰⁴

Живому почитанию Марии святой обязан религиозной атмосфере в доме. Биографы вспоминают о небольшом семейном алтаре, посвящённом Пресвятой Деве, перед которым при свете лампадки молился на коленях маленький Хуан вместе со своими близкими. Здесь он совершал свои первые посвящения и, глядя в Её глаза, мечтал о будущем. Это детское пребывание вместе с Марией имело огромное влияние на его дальнейшую жизнь, поскольку именно в это время Она посеяла в маленьком сердце зёрна великих стремлений и великой святости. Плоды появлялись сравнительно быстро и обнаружались в безупречном поведении. «Он вёл себя, как ангел», – так мать одним предложением охарактеризовала его детство.

В качестве учительницы Мария, безусловно, вводила его в тайны чистоты сердца. Этому соответствует свидетельство о чудесном спасении из болотистого пруда неподалёку от Фонтиверос. В последующем времени он окутается атмосферой прекрасной легенды. Играя со сверстниками, Хуан упал в болото и начал тонуть. И тогда появилась прекрасная Госпожа и, протягивая ему руку, хотела вытащить его из опасного места. Когда Хуан вытянул свою руку, то осознал, что она покрыта грязью, и тут же отёрнул её, чтобы не запачкать такой чистой Госпожи. Вскоре приходит помощь, и Хуан благополучно возвращается на твёрдую землю.

Чистота сердца была отличительной чертой святого кармелита. Он много писал о чистоте и зачастую по отношению к Марии. «Так было с Пресвятой Девой Марией, – объясняет он, – Которую Господь Бог изначально поднял до этого возвышенного состояния. В Её

¹⁰² *Внутренний замок VII, 4,5.*

¹⁰³ В. Froissart, *Święty Jan od Krzyża*, стр. 231.

¹⁰⁴ Там же, стр. 428.

душу никогда не проникала никакая запечатлённая форма какого-либо творения и никогда ею не управляла. Все Её побуждения всегда исходили от Духа Святого».¹⁰⁵

Мария спасает его ещё от другой беды. Босые кармелиты из Кордовы оставили нам описание следующего случая. «Когда основывали монастырь, рабочие сносили одну из стен, чтобы иметь возможность построить церковь. Внезапно стена обрушилась и привалила келью, в которой находился прибывший на заложение монастыря отец Иоанн Креста. Сбежались монахи и рабочие, уверенные, что отец Иоанн мёртв. Убрав землю и камни, они обнаружили спрятавшегося в углу и улыбающегося святого. Он не получил никаких повреждений и объявил, что «Госпожа в белом» распростёрла ад ним свой плащ».¹⁰⁶

Иоанн не только принимал наставления и дары Небесной Матери. Он сам искал Её общества, чтобы посвятить себя Ей. Марианский характер Кармеля имел решающее значение в том, что он избрал именно этот, а не какой-либо иной орден; именно при Её алтаре он служил свою первую Святую Мессу и просил о благодати, чтобы никогда в жизни не оскорбить Бога тяжёлым грехом; именно в Её честь, помимо Литургии Часов, он на коленях ежедневно молился «Малый официум».

Так формировалось почитание Марии у св. Иоанна, благодаря которой он мог в *Молитве влюблённой души* из глубины сердца и искренне произнести слова: «Матерь Божья – моя».¹⁰⁷ Они подытоживают весь марианский опыт святого.

В тайне Троицыного Бога

Св. Иоанн Креста не является мариологом. Он, прежде всего, знаток и проводник по путям христианского совершенства. Ведя души к святости, он побуждает их взойти на духовную вершину Кармеля, в тайну единящей любви Бога. Соединение с Пресвятой Троицей – это высочайшее призвание каждого человеческого существования и, наряду с этим, полностью его счастья. Итак, где искать пример этого соединения? Для святого этим примером, естественно, является Мария – благодати полная, человек, совершенный во всех отношениях.

Размышляя о Марии в связи с Отцом, Иоанн акцентирует Её исключительное избрание и любовь, причиной которой является миссия Матери Воплощённого Слова. В поэтическом произведении *О сотворении мира* святой представляет диалог Отца с Сыном, в котором будущая Матерь Христа показана как взаимный дар Божественных Личностей. Отец, давая Её Сыну, хочет, чтобы Она участвовала во внутренней жизни Троицы, «созерцая Нас в бытии тайны».¹⁰⁸ Сын с благодарностью принимает этот исключительный Дар и решает ввести Марию в непостижимую тайну Своего предвечного происхождения от Отца. Он желает, чтобы таким образом Она познала сущность Бога, которая есть любовь, и восхваляла в вечности эту тайну.

Достоинство Марии вырастает из привилегии Божественного материнства, которое в полноте включило Её в миссию Христа. Его Воплощение – это деяние Святого Духа, под воздействием Которого Мария находилась от самого зачатия. Всё, что Она делала, каждое Её действие, молитва и чувство выплывали из Божественного вдохновения. Итак, св. Иоанн говорит о Ней как о свидетельнице и участнице дела Воплощения и Искупления. Мария сопровождает Своего Сына на каждом этапе Его миссии, вплоть до самой Голгофы. Она страдает у подножия креста не потому, что нуждается в очищении, Она ведь была свободна от греха, а в силу Своего соединения с Иисусом. Именно от Марии святой учится, как в совершенстве нести свой крест за Христом. И ещё более того – он учится постоянно вновь жаждать этого креста. Прекрасная традиция гласит, что Спаситель спросил его когда-то, что бы он хотел получить за свою любовь и верность. Св. Иоанн попросил о презрении и унижениях.

¹⁰⁵ Св. Иоанн Креста, *Восхождение на гору Кармель* III, 2,10 [в:] *Dzieła – Произведения*, tłum. B. Smyrak, Kraków 1998.

¹⁰⁶ M.D. Poinset, *Stromą ścieżką*, tłum. I. Augustynowicz, Kraków 1991, стр. 199.

¹⁰⁷ Св. Иоанн Креста, *Слова света и любви*, 26 [в:] *Dzieła – Произведения*.

¹⁰⁸ Св. Иоанн Креста, *Поэзия*, 3 [в:] *Dzieła – Произведения*.

Улыбающаяся Богородица св. Терезы Младенца Иисуса

Невозможно сравнивать почитание Богородицы у отдельных святых. Каждое из них – как исключительное, редкое растение, которое укореняет и за которым ухаживает Сам Небесный Садовник, и только Он знает, какой цветок появится на стебле. Одно из зёрен Марии, которое Провидение Божье щедро разбрасывает в мире, пало на благодатную почву сердца Терезы Мартен (св. Терезы Младенца Иисуса и Пресвятого Лица, 1873-1897), наиболее известной в мире кармелитки. В течение неполных двадцати пяти лет её жизни, под чутким оком Царицы Неба оно выросло в прекрасный цветок детского упования. А детские души, как это показал нам Сам Божественный Учитель /Мф 19, 14/, первыми получают доступ к самым большим и глубоким тайнам Божественного Сердца.

Улыбка Девы

Приступая к написанию истории своей души, по распоряжению настоятельницы Кармеля в Лизьё, матери Агнессы Иисуса, Тереза встаёт на колени перед фигурой Марии, Царицы Неба, стоящей у входа в её келью, и просит Её, чтобы каждая строчка, которую она напишет, была Ей угодна. Это не просто одна из многих фигур, она занимает в жизни «маленькой» святой исключительное место. Она будет стоять при её кровати в инфирмерии¹⁰⁹ во время долгих дней агонии, словно тихий свидетель бесчисленных вздохов любви, дополняющих жертву самой жизни. Однако, ранее, прежде чем была подарена монастырю в Лизьё, она прошла вместе с Терезой и со всем семейством Мартен радостные и печальные превратности их жизни. Именно с этой статуей связана величайшая благодать, полученная святой в детстве. Тереза в возрасте десяти лет заболела загадочной болезнью. Её не смогли точно определить даже сами врачи, говоря о странном неврозе. И когда казалось, что Тереза вскоре умрёт, Мария одарила её со статуи своей улыбкой.

Несмотря на то, что прошло уже много времени, Тереза вспоминает это событие с огромным волнением, как будто оно произошло всего несколько дней тому назад. «Внезапно Пресвятая Богородица показалась мне прекрасной, такой прекрасной, что ничего подобного я никогда не видела. Её лицо дышало неизъяснимой нежностью и добротой, а пленительная улыбка пронзила мою душу до самых глубин. Сразу же все горести куда-то исчезли, и две крупные слезы, выкатившись из-под ресниц, тихо текли по щекам, но это уже были слёзы безоблачной радости».¹¹⁰ После этого случая от болезни не осталось и следа. Уже на следующий день Тереза вернулась к нормальной жизни.

В описании встречи с Марией стоит обратить внимание на тот факт, что именно улыбка Девы Марии произвела на Терезу самое большое впечатление и отпечаталась в её памяти, как образ на фотопластинке. Даже не весь Её облик, сияющий неопишуемой красотой, а улыбка, проникающая до самой глубины души миром и радостью. Улыбка Девы Марии – неповторима, она не от сего мира, поскольку появляется на лице непорочного творения. Лицо Марии не может выражать гнев, так как его в Ней никогда не было. Улыбка – это Её способ говорить, способ, который познали многие преданные Ей души, как, например, дети из Фатимы или св. Бернадетта. Мария выражает в ней всю глубину своего Непорочного Сердца, своей материнской любви и именно в этом заключается тайна покоряющей и обезоруживающей силы этой улыбки. Она привела Терезу в восторг на всю жизнь.

Хотя таинственная улыбка – единственное проявление марианской мистики из детства Терезы, но она будет для неё всю жизнь важным критерием ориентации в различных трудностях. Делая список благодатей, уделённых ей Иисусом, под датой «май 1883» она запишет: «Улыбка Пресвятой Девы Марии».¹¹¹ Уже перед смертью, всматриваясь в фигуру Царицы Неба, она вспомнит: «Ты, Которая соизволила мне улыбнуться на заре моего расцвета. Приди, улыбнись мне ещё раз, моя милая Мать, ибо близится вечер жизни!».¹¹² Мария вы-

¹⁰⁹ кельи для больных

¹¹⁰ Св. Тереза из Лизьё, *Rękopisy autobiograficzne – Автобиографические рукописи*, tłum. A. Bartosz, Kraków 1997, s. 79.

¹¹¹ Там же, стр. 185.

¹¹² св. Тереза Младенца Иисуса, *Dzieje duszy – История одной души*, Kraków 1984, s. 280.

полнила и эту просьбу Терезы. В момент смерти Она улыбнулась ей той же самой улыбкой, что и в детстве, а её отражение мы видим сегодня на посмертной фотографии Терезы. Это самая прекрасная фотография святой, которая «украла» и показала нам нечто из тайны вечного счастья после смерти.

Из записей святой мы знаем, что её семья получила от Марии ещё множество других благодатей. Нас не должно это удивлять, поскольку семейство Мартен отличалось глубоким почитанием Матери Божьей Победительницы и часто посещало Её санктуарий в Париже. От своих родителей Тереза унаследовала любовь к актам почитания Марии, а особенно к молитве розария. Она читала её не только во время совместных семейных молитв. Тереза вспоминает об одной из детских игр, когда она вместе с сестрой Мари пыталась подражать жизни пустынников. «А когда приходила тётя, – признаётся Тереза, – чтобы забрать нас на прогулку, мы продолжали так играть и на улице. Оба пустытника читали вместе розарий, правда, пользуясь при этом пальцами, чтобы не разоблачить себя своей набожностью перед нескромными прохожими».¹¹³

Под сенью Её плаща

В желании поведать тайну материнской любви Марии, традиция Церкви часто ссылается на символику Её плаща, которым Она охватывает, покрывает и защищает людей. В этом отношении Кармель также имеет богатую традицию, по которой тосковала святая Тереза из Лизьё. «С каким рвением я молилась Ей, чтобы Она всегда меня охраняла и чтобы поскорее исполнила моё желание, укрывая меня под сенью своего девственного плаща!.. Когда-то это была моя первая мечта... Когда я выросла, то поняла, что именно в Кармеле я смогу по-настоящему укрыться под плащом Пресвятой Девы и что именно к Её плодородной вершине устремлялись мои мечты».¹¹⁴

Укрывание Терезы в тени Марии имеет свои характерные черты, выражающиеся в детском отношении к Марии. С того момента, как Дева Мария улыбнулась ей, она не может обращаться к Ней иначе, как только словом «мама», утверждая, что слово «мать» недостаточно сердечно, чтобы выразить тот род чувств, который она носит в своём сердце. Терезу часто упрекают в сентиментальности, не понимая на самом деле, что является основой её связи с Марией. Безусловно, это не чувство, хотя и глубокое и искреннее, а усилия для того, чтобы воспроизвести в себе Её облик.

Мария действительно приняла святую под свой плащ; укрыла своим покровом, позволяя ей немного проникнуть в тайну сверхъестественного облечения нас благодатью. Тереза записывает это переживание в начальном периоде своей жизни в Кармеле. «Она была для меня словно покровом, – пишет Тереза, – распростёртым над всеми земными вещами... Я чувствовала себя полностью укрытой под покровом Святой Девы. Одно время у меня были обязанности в трапезной, и я вспоминаю, что исполняла их, как будто бы не исполняла; я вела себя так, как будто одолжила своё тело. Это состояние длилось всю неделю. Это сверхъестественное состояние, весьма трудное для объяснения. Только Бог может нас возвысить до такого состояния, которого иногда достаточно для того, чтобы навсегда оторвать душу от земли».¹¹⁵ Повествуя об этом событии, кардинал Суэннс помещает его в группе редких свидетельств мистического соединения с Марией.¹¹⁶

Непорочное одеяние Марии было сверхъестественной действительностью, в которую Христос погрузил Терезу. В то же время, оно составляло образ, который Тереза относала к своей душе. Описывая приготовление к принесению обетов, она признаётся, что это «Пресвятая Дева помогла мне приготовить духовное одеяние (...)».¹¹⁷

¹¹³ *Rękopisy autobiograficzne – Автобиографические рукописи*, стр.67.

¹¹⁴ Там же, стр.130.

¹¹⁵ Цит. по L.J. Suenens, *Kim jest Ona? – Кто Она?*, стр. 113-114.

¹¹⁶ Там же, стр. 113.

¹¹⁷ *Rękopisy autobiograficzne – Автобиографические рукописи*, стр.164.

Если бы я была священником...

У Терезы большое сердце. Такое большое, что способно вместить в себе море любви. Она хочет стать мученицей, чтобы умереть на поле битвы в защиту Церкви, чувствует в себе призвание миссионера, чтобы говорить об Иисусе тем, кто Его ещё не знает. Она мечтает о знании Учителей Церкви и миссии апостолов, чтобы сеять зерно Евангелия; хочет заключать в себе все призвания, также и священство. При всём этом, она очень конкретна. «Как же я люблю Пресвятую Деву! – пишет она. – Если бы я была священником, как прекрасно говорила бы о Ней!». И тут же спешит пояснить, как бы она взялась за это. «Нам обычно представляют Её такой недоступной, а скорее, следовало бы показать, как легко подражать Ей. Она более является, Матерью, чем Царицей! (...) Какой простой кажется мне Её жизнь».¹¹⁸

Мария, Которую Тереза хотела бы провозглашать как священник, является Царицей, но, в то же время, совсем другой. Эта Царица, прежде чем склонится над человеком, снимает корону и пурпурную мантию, чтобы не создавать дистанции своим величием. Она облачается в одежды простоты и, таким образом, становится Матерью... И какой исключительной Матерью!

Школа Марии

Идя путём святости, Тереза никогда не питала иллюзий, что это прогулка по дороге, усыпанной розами. А если бы и так, то следует ожидать на ней множество шипов. Стоит восхищаться такому её жизненному реализму. Она – понятливая ученица и хорошо знает, что пребывание в школе Марии, под Её плащом, означает не только блаженное состояние, но, прежде всего, труд подражания Ей. Покров Марии, окутывающий жизнь Терезы, очень плотный, до такой степени, что всё, что делает святая, несёт на себе отпечаток Марии. Когда она совершает благодарственную молитву после принятия Святого Причастия, то делает это вместе с Марией. «Я представляю себе свою душу, как свободное пространство, и прошу Пресвятую Деву Марию, чтобы Она убрала мешающие там развалины. После чего молю Её, чтобы Она сама раскинула там большой шатёр, достойный Неба, и чтобы украсила его по своему благоволению».¹¹⁹ Когда послушницы удивляются, что она угадывает их самые скрытые мысли, она открывает им свой большой секрет. «Я не делаю вам ни одного замечания, прежде чем не обращусь к Пресвятой Богородице и не попрошу, чтобы Она мне подсказала, что я должна делать для вашего большего блага; и меня саму удивляет то, чему я вас учу».¹²⁰

Предчувствуя, что после её смерти Провидение Божие распространит послание её «малого пути», святая желает открыть свою тайну Марии. Она делает это в молитвенной поэме «Почему я люблю Тебя, Мария!», ставшей её последним произведением, которое она написала. Это как бы марианское завещание. Проходя этапы жизни Марии, согласно Евангелию, Тереза указывает характерные черты Её личности, которые она старалась воплотить в своей жизни. Это, прежде всего, глубокое смирение, безграничное упование, безоговорочное принятие Божьей воли, простота, сокрытость, жертвенное страдание и неустанная молитва преклонения. Подобным образом Тереза выражает свою уверенность в большой духовной близости с Матерью Христа, а также подсказывает нам, что самым важным является уподобление Ей, так как оно порождает глубокий и сверхъестественный союз любви.

Матерь-наставница св. Терезы де Лос Андес

Давая оценку преждевременной смерти праведника, автор Книги Премудрости утверждает «Достигнув совершенства в короткое время, он исполнил долгие лета; ибо душа его

¹¹⁸ *Dzeje duszy – История одной души*, стр. 164.

¹¹⁹ *Rękopisy autobiograficzne – Автобиографические рукописи*, стр. 173.

¹²⁰ *Dzeje duszy – История одной души*, стр. 271.

была угодна Господу, потому и ускорил он из среды нечестия» /Прем 4, 13-14/. Человек всегда погружался в раздумье над силой Божественного всемогущества, которое способно за весьма короткий период времени довести душу до расцвета огромной жертвенной любви и несравненно мудрости. Молодая чилийская кармелитка, Хуанита Фернандес Солар (1900-1920), монашеское имя – сестра Тереза Иисуса, является одним из таких чудес этого любящего Всемогущества. Она умирает в Кармеле в Лос Андес, когда ей не исполнилось ещё и двадцати лет, а сестрой-монахиней она была без малого год. Её жизненным девизом являются слова: «любить и страдать». Итак, она любит и страдает с большой интенсивностью, для Христа, но всегда рядом с Той, Кто является второй величайшей любовью её жизни.

Благодати Первого Святого Причастия

То, что испытывает к Марии святая из Лос Андес, является не какой-то заурядной набожностью, а чем-то, значительно более глубоким. «После Иисуса Она – моя Мать и моё всё», – отмечает она.¹²¹ Тереза позволяет нам познать эту особую связь, полностью проникнутую материнством, которая придаёт этой огромной любви родственный и полный нежности характер. Спонтанность слов, чувств и поведения Терезы подтверждает подлинность и глубину этих отношений. Здесь нет места для искусственно надуманных выражений или неестественного поведения. То, что не является искренним, быстро утомляет и очень скоро показывает, сколь поверхностно очарование.

Первая встреча Терезы с Марией, которая оказала влияние на всю её последующую жизнь, произошла во время подготовки к Первому Святому Причастию и связана с полученной в подарок фигуркой Пресвятой Девы Марии Лурдской. «Моё почитание Пресвятой Девы Марии, – признаётся она, – началось с того времени. Это почитание, переданное мне моим братом Луисом, я сохранила и сохраню, надеюсь, до самой смерти. (...) Можно сказать, что Господь Иисус с того момента вёл меня за руку вместе с Пресвятой Девой Марией»¹²²

Приготовления к принятию Христа в Евхаристии длились один год. День, в который это произошло, Тереза вспоминает, как самый важный день в своей жизни, так как с того времени всё земное перестало привлекать её, а всё её сердце стало всё больше обращаться к Христу. Удивительным образом активность, которую она всегда любила и которой уделяла так много времени – плавание, прогулки верхом и экскурсии, утратили своё былое очарование.

Помимо величайшего дара, которым было принятие в сердце Иисуса, Тереза подробно перечисляет все другие благодати, а среди них и связанную с личностью Матери Иисуса Христа. А именно: она обрела дар постоянного присутствия Марии, проявляющегося во внутреннем слышании Её голоса. «Примерно с седьмого года жизни, – объясняет она, – в моей душе родилась огромная любовь к моей Матери, Пресвятой Деве Марии. Я рассказывала Ей обо всём, что происходило, а Она разговаривала со мной. Я слышала Её голос в глубине своей души ясно и выразительно. Она давала мне указания, говоря, что я должна делать, чтобы сделать Иисусу приятное».¹²³ Мария стала для неё верной задушевной подругой, Тереза делит с Ней всё: страдание и радость, внутреннюю борьбу и сомнения, каждый шаг в возрастании к огромной любви.

Дочь Марии

Каждая форма здорового, разумного почитания Марии становится неоценимой помощью для человека на его пути к Богу. Однако эффективность этой благодати связана с добровольной преданностью Марии. Несмотря на свой детский возраст, в свете даров Святого Духа, Тереза прекрасно это понимала и уже с самого начала своего сознательно переживаемого очарования Пресвятой Девой полностью веряет себя Ей. Она будет возвращаться к

¹²¹ Св. Тереза де Лос Андес, *Dziennik – Дневник* [в:] *Dzieła – Произведения*, том I, пер. босые сёстры-кармелитки (Трышчын), Краков 2000, стр.113.

¹²² Там же, стр. 52.

¹²³ Там же, стр. 37.

этому событию, многократно обновляя своё отдавание Марии и деликатно напоминая Ей, что Она теперь – её Мать. «Пресвятая Мать, я знаю, что Ты – моя мать. Помни, что я отдала себя Тебе»¹²⁴; «Вверяю себя Твоим материнским объятиям, чтобы Ты отдала меня Иисусу в объятия».¹²⁵ Эта преданность подтверждается вступлением в Конгрегацию Дочерей Марии и принятием на себя всех вытекающих от этого обязанностей. С того момента, почти во всех письмах, помимо своей подписи, она добавляет сокращение Н. М. (*Hija de Maria*) – Дочь Марии. Дав обещание каждый день читать молитву розария, позднее признаётся со смирением, что нарушила его только один раз, когда была ещё маленькой, и то по забывчивости. Дружба с Марией приобретает в жизни молодой чилийки форму внутреннего диалога матери и дочери, который продлится до самой смерти. Тереза часто разговаривает с Ней, делится в атмосфере искренности и доверия всеми проблемами, как, например, заботой о том, как она работает над своим «взрывным» темпераментом. «В то время, – признаётся она, – у меня был плохой характер, поскольку у меня были дикие приступы гнева».¹²⁶ И так, вместе с Марией Тереза усердно трудится над этой проблемой, пока, наконец, не сможет утверждать, что теперь её нелегко будет вывести из терпения. Несмотря на открытие в себе различных несовершенств, она никогда не перестанет обращаться к своей Небесной Матери с неподдельным преклонением, на какое только способно сердце ребёнка: «Любимая Мать, Мать, которую я почти боготворю»¹²⁷, – пишет она в *Дневнике*, излагая просьбу об умиротворении для своей души, разорванной страданием.

Тереза знает, что Мария дарована человеку для того, чтобы он, учась у Неё, быстро и успешно шёл путём святости; что Её присутствие – источник утешения, вдохновения, совета и благословения. В эту тайну вводит Терезу Сам Иисус, весьма выразительно побуждая её, чтобы она сосредоточила усилия подражания Его Матери на чистоте сердца. «Я в размышлении. Господь сказал мне, что я должна размышлять о чистоте Пресвятой Девы Марии»¹²⁸, – записывает она. Под влиянием этого наставления она смело просит, чтобы Мария дала ей своё сердце. А, мотивируя эту просьбу, объясняет, что, имея такое сокровище, она приобретёт всё. С этого времени она смотрит на окружающую действительность сквозь призму Непорочного Сердца Марии. Когда она хочет обратиться к Иисусу, уверить Его в своей любви, то отдаёт свою молитву в Её руки. «Скажи Ему, что я люблю Его и преклоняюсь перед Ним. Скажи Ему, что я хочу страдать, что хочу умереть от любви и страдания, что мир меня не интересует, только Он один».¹²⁹

Находя в примере Марии множество поучений на тему внутренней жизни, святая старается ревностно претворить их в жизнь. Она верно ощущает, что само по себе познание тайн премудрости не делает мудрым, необходимо действие. Поскольку она – дочь Марии, то хочет стать Её отражением, чтобы тем совершеннее отражать в себе Иисуса.

В жизни Марии Тереза находит образец своего кармелитского призвания. Это является для неё источником немалой радости и укрепления в перенесении суровой затворнической повседневности. «Тем, что заставляет меня всё больше любить это призвание, является осознание того, что жизнь кармелитки похожа на жизнь Пресвятой Девы Марии. Единственными Её занятиями были молитва, страдание и любовь. И всё – в молчании»¹³⁰. Именно из молчаливого свидетельства земных дней Матери Иисуса Тереза почерпнёт своё монашеское призвание, утверждая, что Её жизнь подытожена двумя словами, которые являются словами кармелитки: страдать и любить.

Словно священник, приносящий жертву всежжения

Затворническая повседневная жизнь Терезы, хотя и продлилась очень недолго, около года, изобилует многими страданиями. Тереза сама просила о них, желая как можно совер-

¹²⁴ Там же, стр. 127.

¹²⁵ Там же, стр. 39.

¹²⁶ Там же, стр. 52.

¹²⁷ Там же, ст. 72.

¹²⁸ Там же, стр. 155.

¹²⁹ Там же, стр. 73.

¹³⁰ Там же, стр. 38.

шеннее подражать своему Возлюбленному с Голгофы и стать Его «хорошей копией». Слово «страдать» она всегда связывает со словом «любить». Поэтому когда она пишет о своём кресте, то видит в нём, прежде всего, бесценный дар, из которого делает ежедневную жертву любви. У неё весьма зрелое мнение на тему страдания. «Страдание нравится мне по двум причинам. Первая – поскольку Иисус всегда выбирал страдание, с рождения и до самой смерти на кресте. Это, должно быть, что-то очень значительное, если Он, Всемогущий, ищет во всём страдания. Вторая причина – страдание нравится мне потому, что души формируются в горниле страдания. И поэтому Иисус даёт этот, такой дорогой для Него дар душам, которые Он больше всего любит»¹³¹. Сама она чувствует себя неспособной для того, чтобы приносить совершенные жертвы, и потому просит Марию, чтобы Она, словно священник, пожертвовала её жизнь Богу. «Я просила Пресвятую Богородицу, чтобы Она была моим священником, чтобы каждую минуту приносила меня в жертву за грешников и за священников, погружая в кровь Сердца Иисуса»¹³². Когда святая обращается к Марии с этой просьбой, она уже находится в конце своего земного странствия, в духовной полноте. Акт принесения себя в жертву всеожжения становится венцом её земной миссии. И здесь она стоит вместе с Марией под крестом, как верная дочь рядом со своей Матерью.

Матерь сокровенного присутствия св. Рафаила /Рафала/ Калиновского

Христианская традиция часто относит к Марии слова из Книги Премудрости Соломона: «Ниспосли её от святых небес, (...) чтобы она споспешествовала мне в трудах моих (...). Ибо она всё знает и понимает, и мудро будет руководить меня в делах моих (...). И дела мои будут благоприятны, (...) и буду достойным престола отца моего» /Прем 9, 9-12/. Хотя вдохновлённый автор пишет о даре Божественной премудрости, однако его высказывание прекрасно отражает характер присутствия Матери Иисуса в жизни св. Рафаила /Рафала/ Калиновского (1835-1907, монашеское имя – Рафал святого Иосифа), которому терезианский Кармель в Польше обязан своим обновлением. Не навязывая свою любовь, сокровенно проникая во все обыденные события, Мария следует по стопам святого, чтобы в особенно трудные и решающие моменты его жизненной миссии заботливо сказать ему: «Я всегда с тобой».

В тени Острой Браны

Если ребёнок рано теряет мать, в его сердце остаётся пустота место, которую не может заполнить даже самая нежная любовь других членов семьи. Порой требуется много лет внутренней борьбы, чтобы человек превозмог такую рану и смог полностью полюбить других зрелой, понимающей и сострадающей любовью.

Юзеф Калиновский не знал своей матери. Она умерла, когда ему было всего несколько дней. Несмотря на заботу своей глубоко верующей семьи, мальчик болезненно переживал недостаток нежности, которую может дать лишь материнское сердце. Мы не знаем, кто первый подсказал маленькому Юзефу, что Матерь Божья сможет утолить его потребность в материнской любви. Не исключено, что он сам открыл для себя Марию, когда всматривался в Её Лик во время частых посещений Остробрамского санктуария в Вильно¹³³, который опекали босые кармелиты и рядом с которым он жил.

Нежное притяжение Богоматери, почитаемой в этом месте как Божья Матерь Милосердия, нашло благодатную почву в сердце мальчика. Он тогда ещё не знал, что несколько столетий перед ним, в подобной ситуации, после потери своей матери, стояла пред образом Марии, обращаясь к Ней с просьбой о материнской любви, юная кастилийка, Тереса де Ахумада (св. Тереза Авильская). Может быть, это она испросила для Юзефа благодать призвания в монашескую семью, которую она реформировала в XVI веке. Однако, прежде чем будущий святой облачится в хабит терезианского Кармеля, ему придётся принять вызов, кото-

¹³¹ Там же, стр.72.

¹³² Там же, стр. 39.

¹³³ в настоящее время – г. Вильнюс, столица Литвы

рого он точно не ожидал. Это и кризис веры, и трагедия проигранного восстания, и многолетняя каторга, и нелёгкие поиски своего места на свете.

Призывая некоторых людей к важной миссии в Церкви, Бог допускает в их жизни много страдания. Оно призвано сделать их людьми великой святости. В то же время, однако, любовь, рождённая в таком страдании, должна обогатить сокровищницу Церкви, из которой будет черпать бесчисленное множество душ. Итак, в жизни св. Рафаила /Рафала/ никогда не было недостатка в страданиях. С течением времени он учился переносить их, всё более осознавая, что всегда был Кто-то, кто ему в этом значительно помогал. Одно из его любимых изречений – «Мария всегда и во всём»¹³⁴, которое появилось в возрасте духовной зрелости. Оно является следствием глубоких размышлений о Марии, во время которых он понял, что на всех этапах его жизни Мария всегда была рядом с ним как Матерь сокровенного присутствия.

Верный свидетель ежедневной борьбы

Несмотря на многочисленные жизненные перипетии, Юзеф Калиновский никогда не утратил веры в Бога. Его личные воспоминания, правда, свидетельствуют, что во время учёбы в Военной Инженерной Академии в Санкт-Петербурге он переживал период охлаждения веры и связанный с этим кризис духовной жизни, жизни таинствами Церкви. Состояние душевной пустоты и зарождающееся где-то на дне сердца пламя тоски о чём-то, чему он ещё сам не мог дать определение, мы можем увидеть в его записях. «Когда я, будучи в Петербурге, впервые проезжал мимо храма св. Станислава, – пишет он, – мне пришла в голову мысль остановиться там. Как сейчас помню, я опустился на колени перед конфессионалом.¹³⁵ К несчастью, он был пуст, в церкви никого не было, и меня охватил непонятный плач. Какая-то тоска овладела всем моим существом».¹³⁶

Период длительных поисков пути возвращения к дружеским отношениям с Богом заканчивается исповедью, которую он совершил в праздник Успения Пресвятой Девы Марии. Выбор дня не был случайным. Своим обращением Юзеф был обязан Ей, так как он очень сильно почувствовал Её присутствие рядом с собой, ещё прежде того, как принял в сердце Иисуса. В это трудное время, признаётся он, «особенно пробудилось чувство доверия посредничеству Пресвятой Богородицы (...) Каким всемогущим является заступничество Пресвятой Девы»¹³⁷

Сознание того, что рядом с ним непрестанно находится Мария, стало ключевым для мучительных переживаний ссылки. Многолетняя каторга, к которой он был приговорён вместо смерти, стала «дорогой через страдания», за время которой многие утратили веру. Юзеф не только сохранил её, но и помогал другим выстоять в ней. Его письма к друзьям и родным периода ссылки полны упоминаний о почитании Марии, о преданности Ей, о постоянно новых проявлениях опеки Марии над ним. Когда он вернулся на родину, то не имел ни малейшего сомнения, кому он за это должен быть благодарен. Он отправляется в Ченстохову, чтобы принести там свой обет, что он и делает. «Утром, ещё до рассвета, я был в Ченстохове, где находился до полудня, проведя там почти целый час на богослужении и бегло осмотрев Ясну Гуру. Толпы людей заполняли всё монастырское поселение за оградой, монастырь и церковь. Почти с угрозой для жизни я добрался до часовни Божьей Матери для того, чтобы оказать честь нашей Заступнице (...)».¹³⁸

Во время пребывания в Париже в качестве воспитателя князя Августа Чарторьского, святой углубляет свою и его марианскую формацию. Они часто молятся вместе перед алтарём Марии в кафедральном соборе Нотр-Дам¹³⁹ и совершают паломничество в Лурд, где

¹³⁴ Это выражение происходит из заголовка публикации *Marie partout et toujours, d'après le P. Auriezza*, которую отец Рафаил /Рафал/ переводил на польский язык. Она имела три издания: *Maryja zawsze i we wszystkim według o. Auriezza* – «Мария всегда и во всём» отца Ориемма. Переработал о. Рафал св. Иосифа (Калиновский), Краков 1901, Кельце 1906, Краков 1935.

¹³⁵ исповедальной

¹³⁶ Józef Kalinowski, *Wspomnienia* - Воспоминания, изд. Р. Бендер, Люблин 1965, стр. 34.

¹³⁷ Там же, стр. 55.

¹³⁸ Józef Kalinowski, list № 286 [в:] *Listy – Письма*, изд. Чеслав Гиль, Люблин 1978, том I или II, ст. 127.

¹³⁹ собор Парижской Богоматери

Юзеф просит Марию о благодати согласия во всём с Божьей волей, особенно в том, что касается жизненного призвания, Мария не оставила этой просьбы без ответа. Она поставила на его пути мать Ксаверу Чарторыскую, босую кармелитку из краковского монастыря. Благодаря её уговорам, он вступил в терезианский Кармель, который она представила ему как Орден с многовековыми марианскими традициями. При облачении в кармелитский хабит и принятии нового имени – Рафал святого Иосифа, он пишет своей семье: «Благословляя десницу Божию, которая привела меня под гостеприимный кров сыновей Пресвятой Девы Марии, мне ничего не остаётся, как безоговорочно посвятить себя Богу и не разлучаться с Иисусом Христом все оставшиеся мне дни (...)».¹⁴⁰

Школа святости

Охватывая взглядом жизнь блаженных и святых, которых прославляет Церковь, мы видим, что в период своей духовной полноты, зрелости они немного говорят о себе, о том, что происходит в их сердцах. Если мы хотим позаимствовать себе что-нибудь из секретов их зрелости, мы должны присмотреться к произведениям и письмам этих людей. Подобным образом обстоит дело и со св. Рафаилом /Рафалом/.

Почитание Марии у святого кармелита пылало в его сердце слишком большим огнём, чтобы его можно было полностью скрыть. Тот, кто внимательно изучал его жизнь, мог непрестанно находить в ней Марию, действующую через него, используя как своё орудие. Св. Рафаил /Рафал/ называл Её «Солнцем», а кармелитские монастыри «светильниками», которые святостью своих обычаев должны излучать свет Её добродетелей.¹⁴¹ Он побуждал к святости монашеской жизни не только как настоятель или визитатор.¹⁴² Характерной чертой духовно зрелых людей является наставление собственным примером. То же самое делал и апостол Марии – наш святой. Мария для него – это школа святости, «(...) книга, в Которой Предвечное Слово, Иисус Христос даёт прочесть Себя миру».¹⁴³

Подытоживая духовность св. Рафаила /Рафала/, можно увидеть столпы его жизни и апостольства, посвящённых Марии.¹⁴⁴ В первую очередь, это обращение, которое совершилось благодаря ходатайству Марии. Она приводит его к Христу и к Его таинствам. Затем – вступление в Кармель, Орден Марии. Святой хочет таким образом совершеннее служить Христу и единству Его Церкви. Далее – свидетельство жизни, выражающееся в подражании Марии. На этом пути он жаждет передать богатство и действенную силу почитания Марии, утверждённого Церковью. И, наконец, каждодневная верность харизмату Ордена Босых Братьев Пресвятой Девы Марии с Горы Кармель. Она выражается в принятии и исполнении Божьей воли, по примеру Марии; в созерцании и провозглашении Слова Божьего; в указании пути „*ad Jesum per Mariam* – к Иисусу через Марию” (или „*ad Jesum cum Maria* – к Иисусу с Марией”); в распространении почитания кармелитского скапулярия, который, как знак Марии, освящает нашу повседневную жизнь, направляя её события к Христу.

Если же спросить о марианском завещании святого, то, безусловно, им могли бы стать следующие его слова: «Почитать Пресвятую Деву – вот важнейшая и главнейшая задача для кармелитов и кармелиток. Мы любим Её тогда, когда стараемся унаследовать Её добродетели, Её смирение, Её постоянное пребывание в молитве; когда мы трудимся над исправлением наших недостатков, чтобы быть Её подданными. К Ней мы должны постоянно обращать свой взгляд, к Ней устремлять наши чувства, помнить о Её благодеяниях и всегда быть Ей верными»¹⁴⁵

¹⁴⁰ Письмо № 428, стр. 326 [в:] *Listy – Письма*.

¹⁴¹ *Cześć Matki Bożej w Karmelu Polskim – Почитание Божьей Матери в польском Кармеле* [в:] *Księga pamiątkowa mariańska – Памятная марианская книга*, Львов-Варшава 1905, том I. стр.404-405.

¹⁴² инспектор кармелитских общин

¹⁴³ *Świętymi bądźcie! Konferencje i teksty ascetyczne – Будьте святыми! Конференции и аскетические тексты*, Краков 1987, № 8, 6.

¹⁴⁴ Sz. T. Praśkiewicz, „*Maryja zawsze i we wszystkim*”. *Duchowość maryjna św. Rafała Kalinowskiego – «Мария всегда и во всём»*. Марианская духовность св. Рафаила Калиновского, Краков 1999, стр.33-34.

¹⁴⁵ Там же, стр.15.

Зеркало Бога св. Терезы Бенедикты Креста

Св. Тереза Бенедикта Креста (Эдит Штайн, 1891-1942), со своим пытливым умом философа, записывает богатые страницы кармелитской истории, духовности и мученичества. Эта неутомимая искательница проходит разные периоды жизни: еврейского ребёнка, неверующего подростка, девушки, ищущей Бога, женщины-философа, новообращённой, наконец, босой кармелитки, – чтобы закончить её мученичеством в освенцимском лагере смерти, из любви к обрётённой Истине и за свой народ.

В её богатом литературном наследии, поднимающем философскую и богословскую тематику, нет недостатка в прекрасных, глубоких и во многом новаторских мыслях о Матери Христа. Искания Терезы, относящиеся к тайне Марии, коснулись не только пера и бумаги; они преобразились в искреннее восхищение и живое почитание Марии, выраженное в последовательном подражании Первой Ученице Христа. В поисках Извечной Истины и Красоты, она встретила Непорочное Зеркало, в котором совершенным образом отразился Тот, Которого она искала.

Крест Христа и истинное подражание Марии

Тайну Марии Эдит открывала постепенно. Она приближалась к ней по мере углубления своих отношений с Христом как с Женихом, ибо никто не может познать Его Матерь, пока Он Сам не пригласит к этому и не укажет дорогу. Однако, вместе с тем, удивительным Божьим парадоксом было то, что чем больше она познавала Марию, тем быстрее приближалась к тайне Троицы Любви, Которой она уделила так много внимания в своих сочинениях. Равно как в случаях других великих друзей Бога, так и в жизни еврейской кармелитки нельзя понять одних отношений без других.

Призвание в Католическую Церковь, а потом и в Кармель, она приписывает упрямой благодати Марии. Хотя она замечает, что Матерь Христа действует таинственно и сокровенно, но всё же без колебаний хочет быть послушным инструментом в Её руках, ведь Мария знает характер жизненного призвания каждого человека. «О, моя любимая Матерь, Тебе Господь доверил тайну Царствия Своего, Тебе поручил Своё Мистическое Тело. Твой взор проникает сквозь все времена; Ты знаешь каждого человека, знаешь, какое у него задание, и хочешь ему помочь. Благодарю Тебя за то, что Ты призвала меня ещё прежде того, как я узнала, что это призвание исходит от Тебя. Я не знаю, что Ты намерена делать со мною дальше. Я считаю огромной незаслуженной благодатью то, что Ты избрала меня своим орудием. Я желаю быть в Твоих руках послушным инструментом».¹⁴⁶ Это молитвенное размышление мы находим в записях Эдит с реколлекций перед вечными обетами. Молитвы людей великого духа, которые Божественное Провидение сохранило для нас, несмотря на минувшее время, являются бесценным богатством. Они не только служат нашему развитию и воспитанию, но и многое говорят о том, как эти люди проходили путь своей земной жизни.

Самая важная встреча святой с Марией произошла под крестом Христа; здесь она открыла и сопоставила с собою тайну и, вместе с тем, дар Её материнской любви. «Её сердце было так широко открыто, как объятия Сына, Который на кресте всё привлёк к Себе. Мария под крестом приняла наследство Сына и, как Матерь Искупителя, всех приняла в своё Сердце»¹⁴⁷. С этого момента «знать Матерь Иисуса» для Эдит означало, в первую очередь, безоговорочно отдать Ей себя, так как «(...) Мария не реализует своего материнства там, где человек не доверится Ей»¹⁴⁸, а потом совершенно подражать Ей. В подражании же, объясняет она, дело не только во внешних привычках, которые всегда являются чем-то второстепенным, но о мужестве, чтобы дать Ей вести себя путём веры и без всяких оговорок. Такой способ развития и воспитания выбрал для нас Сам Бог.

Следование Деве из Назарета Эдит понимает, прежде всего, как вхождение в тайну страдания. На Голгофе, под крестом Иисуса, она видит Марию в непостижимом унижении,

¹⁴⁶ Эдит Штайн, цит. по J.I. Adamska, *Mądrość miłości – Мудрость любви*, Tczew–Pelplin, 1998, стр. 159.

¹⁴⁷ Там же, стр. 159.

¹⁴⁸ Эдит Штайн, *Kobieta. Jej zadanie według natury i łaski – Женщина.. Её миссия по природе и благодати*, tłum. J.I. Adamska, Tuchów 1995, стр. 185.

полностью соединённую со своим Сыном и уподобившуюся Ему: «Ныне стала под крестом с Тобою, /Вижу ясно, как никогда прежде, – / Под крестом Ты нам Матерью стала»¹⁴⁹. В таком же ключе она воспринимает своё призвание в Кармель. Она трактует своё монашеское имя – Бенедикта Креста, как «благословенная крестом», даже не предполагая в то время, что это благословение очень скоро сбудется в её жизни во всей своей полноте. Ещё не зная, какая смерть её ожидает, в духе Марии и с упреждающей любовью она говорит Ей своё *fiat* /«да будет»/, принимая всё, что выбрал Бог. Так же, как и Её недостижимая Наставница, она широко открывает своё сердце, чтобы вместить в нём всех людей с их проблемами. «Я уже сейчас принимаю такую смерть, какую мне предназначил Бог, с абсолютной преданностью Его воле и с радостью Я прошу Господа, чтобы Он захотел принять мою жизнь и смерть во славу и честь Свою, за все нужды Святейшего Сердца Иисуса и Марии, за святую Церковь, особенно в намерении сохранения, освящения и совершенства нашего святого Ордена, за Кармель в Кёльне и Эхте, в духе искупления за неверие еврейского народа, чтобы Господь был ими принят, чтобы наступило Его славное царство, во испрошение помощи для Германии, за мир в мире, наконец, за моих близких, живых и умерших, за всех, кого мне дал Бог, чтобы никто из них не пропал»¹⁵⁰. Записывая свой акт самопожертвования, Эдит оставила нам пример, говорящий о глубоком соединении с распятым Христом, к которому её привело верное наследование Скорбящей Матери.

Новая Ева и Её потомство

Главным источником, из которого Эдит черпает материал для размышлений о Марии, являются догматы. Особенно её интересует догмат о Непорочном Зачатии. Ввиду своего еврейского происхождения, она также имеет в своём распоряжении чрезвычайно богатый мир библейских традиций. Она заново открывает его и воспринимает его совершенно в другом свете, приняв католическую веру. Мессия и Его Мать – уже не безымянные персонажи неопределённого будущего. Это Христос, её личный Спаситель, и Мария, воплощение чуткости и материнской любви Божественного Сердца, это исторические личности с историческими именами. Теперь в распоряжении пытливого ума Эдит – длинная вереница библейских женщин: Ева, мать всех живущих, Жена с Книги Бытия, потомство которой сокрушит голову змея, царица Эсфирь, мать Эммануила из книги пророка Исаии и многие другие. Каждая по-своему помогает ей в чём-то углубиться в тайну Непорочной, дополняя образ Жены из Откровения святого Иоанна в новом Завете.

Мария – это, прежде всего, новая Ева, Мать, любящая и рождающая людей для святости совершенно по-новому. Кроме Неё, развивает своё размышление Эдит, никакая другая женщина не открывает женской природы в её первоначальной чистоте. Каждая другая женщина носит в себе нечто, унаследованное от первой матери из Эдемского сада, и должна найти путь от Евы к Марии. Новая Ева «стала Матерью всех искупленных; как материнская клетка, от которой постоянно образуются новые клетки, Она должна была создавать и воздвигать живое жилище Бога, эта тайна, сокрытая пред всеми, была открыта св. Иоанну в тот момент, когда он стоял под крестом вместе с Девой-Матерью и был дан Ей в сыновья»¹⁵¹.

Люди, духовно рождённые Новой Евой, – это мощные столпы общины Церкви. Они обладают той бесценной особенностью, что не поддаются посредственности, всеобщей испорченности и ложным тенденциям, строя свою жизнь на преданности Марии. «Воистину, лекарством от болезней нашего времени – внутренней раздвоенности, отсутствия здоровых принципов и убеждений, непрестанной спешки, усилий, направленных на заглушение внутреннего недовольства и неудовлетворённости, являются люди, крепко стоящие рядом с Марией, опираясь на фундамент вечности, не позволяющие себя поколебать в своих взглядах и действиях изменчивым и модным мнениям, теориям и заблуждениям», – утверждает Эдит.¹⁵²

¹⁴⁹ *Myśli Edyty Stein – Мысли Эдит Штайн*, tłum. M. Hoffmann, Варшава 1998, стр. 82.

¹⁵⁰ Там же, стр. 72.

¹⁵¹ Э. Штайн, *Z własnej głębi. Wybór pism duchowych – Из глубины своей души. Избранные духовные произведения*, tłum. J.I. Adamska, Краков 1978, т. II, стр. 157.

¹⁵² *Myśli Edyty Stein – Мысли Эдит Штайн*, стр. 77.

Она сама, впрочем, испытывает, что близость Марии предоставляет ей доступ к безграничным богатствам дара премудрости, который, подобно соли, сохраняет в людских сердцах и умах людей живительное учение Христа и Его пастырей.

Sponsa Christi – Невеста Христа

Размышляя над историей спасения, Эдит восторгается непостижимой премудростью Бога, Который решил довериться человеку, допуская его до сотрудничества с Собою. Её восхищает роль женщин в этом деле. Она видит её на всех этапах спасения, а особенно в эпизоде в райском саду и в предсказании триумфального апокалиптического сражения. Эти два события человеческой истории, находящиеся на разных полюсах, скрывают миссию Марии, совершенной женщины. История избрания и призвания Марии проливает свет на земные пути всех женщин, показывая Божий замысел в их жизни. «Таинственное предсказание триумфальной битвы жены со змием и её завершение победой, которую одержала Царица всех жён во имя всего человечества, возможно, объясняет особенную восприимчивость женской природы к моральному благу и отвращение к тому, что низко и пошло, будучи, в то же время, её защитой перед искушением погрузиться в чувственной и поверхностной жизни. С этим также связана её повышенная чувствительность ко всему божественному, к личному контакту с Богом, жажда Бога и готовность дать целиком наполнить себя Его любовью и позволить Ему руководить собою»¹⁵³.

В богословии женщины внимание Эдит, прежде всего, сосредоточено на тайне любви к Христу как к Жениху. По причине своих сверхъестественных и природных даров женщина призвана, по примеру Марии, явить миру самую чувствительную, уязвимую струну в предвечном Сердце Бога – материнский аспект Его любви. Так как женщина обладает способностью улавливать эту нежную любовь и передавать её путём рождения, не только естественного, но, прежде всего, духовного. «В лице Марии Господь призвал женщин всех времён к наиболее интимному соединению с Собой и избрал Её посланницей Своей любви, провозвестницей Своей воли, даже царям и папам, предтечей, приготавливающей пути Его владычества в человеческих сердцах. Нет призвания выше, чем *Sponsa Christi* – Невеста Христа, и для кого открыт этот путь, тот уже не желает никакого другого»¹⁵⁴.

В миссии передачи живительной и исцеляющей человеческие сердца любви, святая видит фундамент жизненного призвания женщины, а также кармелитки, на котором основывается всё остальное. Такой любви, почерпнутой из близости Христа, не удержат никакие ограничения повседневной жизни в затворе. Как раз наоборот, пишет Эдит. Души, посвящённые Богу и пребывающие в доверительной беседе с Ним «влияют на ход событий в истории Церкви, обновляющих лицо земли. Примером их является Пресвятая Дева, сохраняющая в своём Сердце слова, открытые Ей Богом. В этих душах вновь непрестанно оживает Первосвященническая Молитва Христа. С особенным благоволением Господь избирал Себе как орудия для достижений великих дел в Церкви девственные души, которые, подобно Его Матери, были бы способны полностью перечеркнуть себя и погрузиться в жизнь и страдания Христа»¹⁵⁵. Записывая эти размышления, Эдит относит их, прежде всего, к самой себе. Мы не знаем, какими были её последние мысли в газовой камере. Однако мы можем быть уверены, что то, что она думала, было первосвященнической молитвой, в которой она, так же, как Мария под крестом, молилась за других, более своей нестигаемой до конца позицией, чем словами.

Врата небес блаженной Елизаветы Пресвятой Троицы

В терезианском Кармеле до сих пор существует обычай присваивать предикат – второе имя тому, кто получает монашеский хабит. Это титуляция, идущая после имени. Она отражает тайну, в свете которой человек желает пройти свою жизнь.

¹⁵³ Там же, стр. 45.

¹⁵⁴ Там же, ст. 50.

¹⁵⁵ Там же, стр. 102.

В конце девятнадцатого века в Кармель в Дижоне (Франция) вступает молодая девушка, Элизабет Катэ (1880-1906), дочь офицера французской армии, принимая монашеское имя – Елизавета Пресвятой Троицы. В своей титуляции она видит приглашение войти в тайну предвечной Троицы. Она всерьёз воспринимает уверение Христа, что в душе крещёного человека обитает Троица. Полученное призвание она поручает Марии, Которая есть Врата небес. Так она чаще всего называет Её, потому что через Неё идёт путь внутрь Троицы. Элизабет старательно учится у своей Матери и, так же, как и Она, хочет быть живой обителью Всемогущего. Она хочет совершенным образом нести свой крест, хочет всецело принадлежать Христу, а своей затворнической повседневной жизнью стать прославлением «моих Трёх», «моего Всего», «моего Блаженства», – как она называет Бога.

Тайна внутренней жизни Марии

Призвание к жизни в Кармеле Элизабет открыла в себе уже в возрасте семи лет. Её непреодолимо притягивал небольшой монастырь босых кармелиток, расположенный всего в 200 метрах от её родного дома, о чём она не преминула поведать своей матери. Мадам Мари и слышать об этом не хотела, связывая будущее своей первой дочери с музыкальной карьерой. Потому что Элизабет, будучи ещё подростком, завоёвывала первые призы и была подающей большие надежды пианисткой. Итак, дома нет никаких разговоров о монашеском призвании до самого совершеннолетия, когда мать, в конце концов, дала своё разрешение. Время ожидания Элизабет посвящает сокровенным беседам с любимым Богом, Которому поклоняется в своём сердце с момента Первого Святого Причастия. Она углубляет свою молитву и дружбу с Марией. Фрагменты её *Дневника* того времени содержат явные упоминания о посвящении себя Марии и обновлении этого акта каждый Её праздник. Когда Элизабет переступит порог клаузуры /затвора/, то скажет с неподдельной искренностью, что это «Непорочная Дева дала мне хабит Кармеля». В различных заметках и записках она проявляет скрытую в сердце любовь к Марии и восхищение Ею. «Я плачу от радости, думая о том, что это Существо, излучающее спокойствие, Мария – моя Мать. Я радуюсь Её красоте, как ребёнок, любящий свою мать. Я чувствую к Ней такую большую тягу, и я избрала Её Царицей и Хранительницей моего неба»¹⁵⁶.

Желая осуществить своё призвание, чтобы, подобно Марии, стать живой обителью Троицы и «поклонением Славы», она с восхищением взирала на свою Мать, черпая науку мудрости из источника наилучшего качества. Фрагмент записей с последних реколлекций говорит нам о том, как сильно очаровывает её Мария в этом отношении. «Несомненно, что после Иисуса Христа (конечно, учитывая расстояние, разделяющее бытие конечное и бесконечное) существует некое Существо, Личность, Которая тоже была великим прославлением Величия Святой Троицы и во всей полноте отвечала на Божие избрание, о котором говорит Апостол. Она всегда была «чистой, непорочной и безупречной» в глазах Трисвятого Бога. Её душа очень проста, а движения Её души так глубоки, что их невозможно заметить. Она надеется воссоздать на земле жизнь, присущую Божественной Сущности, простому Бытию. И вместе с тем, Она такая ясная и сияющая, что Её можно принять за сам свет. Между тем, Она является лишь «Зеркалом» Солнца Справедливости, *Speculum Justitiae!*...»¹⁵⁷.

В Марии Элизабет созерцает, прежде всего, Её непостижимую глубину в событии Благовещения. Образок с благовещенскими мотивами, который получила во время обетов, она поместила в своей келье и часто созерцает его. Она видит, что Божественное Провидение укрыло сокровище величайшей красоты и святости покровом простоты и прозаической повседневности Назарета. В глубинах души Марии, которых не может достигнуть ни один ангел или святой, совершались великие дела. Троица творила из Неё свою непорочную обитель. Она, в свою очередь, как никто другой участвовала в родственной, «семейной» жизни Вечного Бога.

¹⁵⁶ Блаж. Елизавета Пресвятой Троицы, *Myśli i słowa – Мысли и слова*, Краков 1998, tłum. J.E. Bielecki, стр. 165.

¹⁵⁷ Там же, стр. 181.

Эта внутренняя жизнь Марии не просто восхищает Элизабет. Она предпринимает много усилий, чтобы ей подражать, так как это пример для всех созерцательных душ. «Мне кажется, – пишет она во время реколлекций, – что образ жизни Пресвятой Девы в те месяцы, которые миновали от Благовещения до Рождества Иисуса, является образцом для внутренне глубоких душ, личностей, избранных Богом, чтобы они жили внутри себя просто-таки в бездонной глубине. С каким же спокойствием, с какой сосредоточенностью Мария ко всему подходила, всё исполняла! Даже такие наиболее обыденные вещи были обожествлены Ею! Ибо Пресвятая Дева во всём почитала дар Божий»¹⁵⁸.

Безусловно, не один раз в мыслях Элизабет пробежали слова Псалмопевца: «Бездна бездну призывает голосом водопадов своих» (Пс 42, 8). Она чувствовала, что необъятная глубина Троиного Бога призывает бездну её ничтожности, и что она не должна Его бояться, ведь уже прежде был кто-то – «Непорочное и чистое Создание», Та, Которая полностью доверилась этой Глубине и погрузилась в Неё.

Элизабет (Елизавета) – «дом Божий»

В день Первого Святого Причастия мадам Мари берёт дочку в монастырь кармелиток, чтобы представить её общине. Когда Элизабет произнесла своё имя, то услышала из уст настоятельницы: «Так значит, ты – «дом Божий», ведь твоё имя означает именно это». Эти слова, произнесённые в разговоре во время визита вежливости, должны были очень глубоко запасть в её сердце. Они будут как бы дополнительным подтверждением постепенно открывающегося призвания – подобно Марии, стать домом Пресвятой Троицы. В Кармеле Элизабет именно на этом концентрирует всю свою формацию. «Торжество Пресвятой Троицы, – пишет она, – так сильно является моим торжеством. Для меня нет равного ему. Оно является типично кармелитским праздником, поскольку это праздник молчания и адорации. Я ещё никогда так хорошо не понимала этой Тайны и, вместе с тем, полноты призвания, которое заключается в моём имени...»¹⁵⁹. Элизабет видит в нём приглашение сесть с Богом за одним столом в доме своего сердца.

Вести души к глубокой, тесной дружбе с Богом – вот её миссия как кармелитки. Она будет осуществлять её, как уверяет, даже и с неба. Она будет склонять души к внутреннему сосредоточению, поможет им прильнуть к Богу в простом детском жесте, будет охранять в них внутреннее молчание – и всё это для того, чтобы мы всё больше отражали в себе Бога и преображались в Нём.

С Матерью под крестом Иисуса

Элизабет оставила после себя множество прекрасных и по-богословски глубоких размышлений о Марии. Они особенно ценны, поскольку глубина духовной жизни блаженной построена на вере. В её жизни мы не найдём никаких мистических переживаний или необыкновенных событий. Этим она становится очень близкой всем тем, которые ощущают зов из глубины своей души и идут к ней путём простой веры.

Это странствие рано или поздно встречается с тайной креста. Так же, как Мария, кармелитка из Дижона восходит на вершину Голгофы. Это происходит особенно в последний период её жизни, когда она старается во всей полноте войти в тайну креста. В результате туберкулёза она страдает болезнью Аддисона, в то время неизлечимой, сильными головными болями, бессонницей, хронической болезнью надпочечников и желудочно-кишечными осложнениями. Она почти совсем не может есть, что приводит к истощению и смерти. Неожиданно она открывает, что на дне этой чаши горечи – удивительная сладость и желание страдать. Записи с её последних реколлекций вспоминают о прекрасном обмене с Иисусом. Она идёт на крест вместо Него, чтобы продолжать миссию спасения человечества. В пейзаже Кальварии лишь один элемент неизменен. Под крестом всё также мужественно и героич-

¹⁵⁸ Там же, стр. 172.

¹⁵⁹ Там же, стр. 91.

чески стоит Мария, – пишет Элизабет, – «в то время как Учитель говорит мне: «Се, Матерь твоя». Тем самым, Он дал мне Её как Мать... Теперь же, когда Он возвратился к Отцу, то вместо Себя оставил на кресте меня, чтобы я «дополнила в своём теле недостаток скорбей Христовых ради блага Его Тела, которым является Церковь». Пресвятая Дева всё так же стоит там, чтобы научить меня страдать так же, как и Она, чтобы говорить со мною и передавать последнее пение Его души, которого никто, кроме Нее, Матери, не мог услышать»¹⁶⁰.

Самый короткий путь к вечности ведёт через крест. Элизабет многократно увидела это в жизни Марии. Итак, она уверена, что солидарность в страдании с небесной Матерью откроет ей двери в дом предвечной Троицы. «Вероятно, через два дня, – свидетельствует она перед смертью, – я буду на лоне «моих Трёх». Как же это захватывающе! Пресвятая Дева, это Создание, вся сияющая, вся чистая чистотой самого Бога, возьмёт меня за руку и приведёт на небо»¹⁶¹. Марианское послание блаженной Елизаветы очень простое: любовь Непорочной никогда не подводит, она верна до самой смерти. Нужно только ей довериться и полностью отдать себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже древние говорили, что действительно мудрым является тот, кто учится на опыте минувших поколений. Такая позиция выражает не только уважение к их достижениям. Кроме того, она способствует значительно более быстрому стремлению путями зрелости, защищая от многих заблуждений. Премудрость даже упреждает желающих познать её, она сама обходит и ищет тех достойных её, и благосклонно является им на путях, – развивает свою мысль Божественный Мудрец (ср. Прем 6, 12-16.).

Чему мы можем научиться, устремляясь по дорогам марианской истории Кармеля? Прежде всего, мужественному отданию себя Марии, по примеру братьев и сестёр в коричневых скапуляриях. Их неутомимые поиски, предпринимаемые в единстве с идеями Церкви, прокладывали пути к тайнам единственной и исключительной сотворённой Личности, одаренной благодатью рождения Эммануила – Бога с нами.

На первый взгляд Мария как будто сосредотачивает внимание на себе, доминирует в размышлениях и событиях, образующих Орден. Действительно, Она делает для него значительно больше, чем все его святые и блаженные, вместе взятые. Это первое, как бы внешнее ощущение. За ним скрывается более глубокое и гораздо более богатое, но также и требующее от наблюдателя рефлексивного подхода, подхода размышления. Самым большим даром *Марии кармелитской идеи и истории* является то, что Она открывает перед нами многие тайны Троицного Бога и ведёт нас к глубоким, дружеским, детским отношениям с Ним.

Мария всегда появляется первой на горизонте нашей жизни, словно пробуждающий нас утром рассвет, чтобы предвозвестить пришествие истинного Света. Она являет собой самую чувствительную струну Отцовского Сердца, которая звучит материнской заботой о каждом человеке. Она говорит нам, что в Сыне, рождённом Ею, Бог возлюбил человечество непостижимой любовью; что через Нее каждый может встретиться с Богом, как сын и дочь – со своим Отцом. Она говорит также, что любовь, если она истинная, должна требовать от нас чего-то. Надо согласиться со страданием в нашей жизни, так как оно необходимо, чтобы появились зрелые духовно и прекрасные люди. Мария сама является тому примером. Однако надо доверять Ей, по-настоящему, глубоко, с детской простотой. Рядом с Ней то, что по-человечески кажется нам невозможным и невыполнимым, открывает перед нами двери неожиданных возможностей.

¹⁶⁰ Там же, стр. 183.

¹⁶¹ Там же, стр. 206.

Орден Пресвятой Девы Марии с Горы Кармель

Орден Пресвятой Девы Марии с Горы Кармель берёт своё начало в Палестине. Его колыбелью является гора Кармель. Это место было освящено жизнью и деятельностью пророка Илии, который вёл суровую жизнь покаяния, отданную молитве и борьбе с идолопоклонством. Культ св. Илии на горе Кармель оставался очень живым многие столетия и таков он и по сегодняшний день. Исторические начатки Ордена восходят к периоду крестовых походов в XII веке. К отшельникам Кармеля присоединились крестоносцы. Св. Броккард, настоятель уже образовавшейся монашеской общины, испросил у св. Альберта, патриарха иерусалимского, устав для отшельников Кармеля. Для утверждения Ордена и придания его уставу юридической силы он обратился в Ватикан, к Папскому Престолу. Первоначальный устав был утверждён в 1226 г. папой Гонорием III. По причине набегов сарацинов на Палестину жизнь пустынников подверглась опасности. Они были вынуждены выехать в Европу, где их постигло множество неудач. Вырванные с корнями из своей среды и образа жизни, они оказались в новых условиях, что повлияло на смягчение первоначального устава и повлекло за собой изменение отшельнического характера Ордена на отшельническо-деятельный.

Орден посвящён Божьей Матери. В трудные времена монахи-кармелиты обращались к Ней с просьбой о помощи, а особенно св. Симон Сток – генерал Ордена. Божья Мать ответила своим даром святого Скапулярия в 1251 году. Кармелиты видели в Марии Мать, дающую жизнь. В конце XIV века динамичное развитие Ордена было приостановлено ввиду огромной эпидемии, столетней войны, а особенно западной схизмы /раскола/. По причине прекращения молитвы и отказа от духа послушания наступил упадок Ордена.

Св. Тереза Иисуса /Авильская/ и св. Иоанн Креста совершили реформу Ордена в XVI веке. Это было возвращение к первоначальному **кармелитскому идеалу**.

Босые монахини Ордена Пресвятой Девы Марии с Горы Кармель

Призвание босых кармелиток вписано в живую традицию, которая веками притягивает к Горе Кармель ищущих Бога.

Корни женской ветви Ордена достигают середины XV века. В XVI веке св. Тереза Иисуса, кармелитка из Авилы (Испания), увидела необходимость возвращения к верности первоначальному идеалу и вместе со св. Иоанном Креста предприняла дело реформы Кармеля.

В Польшу босые кармелитки прибыли в 1612 г. Захваты и многочисленные военные события серьёзно нарушали жизнь и развитие общин до самой середины XX века. В настоящее время существует две польские провинции, Варшавская и Краковская, охватывающие 30 монастырей, в том числе 6 за пределами Польши (Исландия, Норвегия, Украина, Словакия, Казахстан, Россия.)

Каждая община, будучи независимой единицей, принимает кандидаток (требуется, по крайней мере, среднее образование) и организует их формацию. Благодать призвания в Кармель является приглашением и обязательством неустанной молитвы и евангельского самоотречения в служении Церкви, чтобы обрести совершенную любовь и этим прославить Бога.

Босые кармелитки ведут созерцательно-эклезиальный образ жизни в гармонии между уединением и молчанием и сестринским общением (маленькие общины, до 21 сестры). Строгий затвор (клаузура), а также дух взаимной любви, бедности и самоотречения создают атмосферу, особенно благоприятствующую жизни молитвы.

Своё апостольство, исключительно созерцательное, сёстры-монахини осуществляют, охватывая все сферы жизни в жертвенном служении и горячей заступнической молитве за всю Церковь, а особенно, за священников и богословов. Они распространяют любовь к молитве и дают о ней свидетельство в своей среде.

Харизмат терезианского Кармеля, всегда живой и высоко ценимый в Церкви (св. Тереза Авильская является первой женщиной в истории Церкви, которой присвоено звание Учителя Церкви – в 1970 году.), приносит обильные плоды святости до сегодняшнего дня. Это св. Тереза Младенца Иисуса – также Учитель Церкви с 1997 г., блаж. Елизавета Пресвятой Троицы, св. Тереза (Иисуса) де Лос Андес, св. Тереза Бенедикта Креста (Эдит Штайн).